

Любовники Камиллы

Автор:

[Виктория Янссен](#)

Любовники Камиллы

Виктория Янссен

Герцогиня Камилла вынуждена бежать из роскошного замка мужа, чтобы спастись от смерти. Она тайно уходит в сопровождении верных слуг и любовника, чтобы найти убежище у мужчины, которого любила в юности и который смог раскрыть ее сексуальность. В его доме она вновь погружается в мир чувственных наслаждений, возбуждая желания не только любимых мужчин, но также верной служанки и двух евнухов. Пылающие страстью мужские и женские тела сплетаются в экстазе, в то время как жестокосердный герцог уже напал на след сбежавшей жены...

Виктория Янссен

Любовники Камиллы

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Герцогиня Камилла слегка поежилась, когда ее преданная служанка Сильвия осторожно накинула ей на плечи голубой шелковый халат. Камилле с трудом

удалось подавить желание поскорее запахнуть халат и спрятать под ним обнаженную грудь. Обычно герцогиня не выказывала никаких эмоций при подобных процедурах – ей было не привыкать, чтобы ее раздевали и одевали девушки-служанки, однако сегодня любое прикосновение доставляло ей физическую боль, от которой дрожь пробегала по телу. Ситуацию усугубляла и накаленная атмосфера в комнате. Сильвия, сердито хмуря брови и кривя губы в неодобрительной гримасе, вытащила из-под ворота халата длинные темные локоны своей госпожи. На голубой рубашке служанки, которую та не успела отстирать, еще алели пятна крови Камиллы, а из обычно аккуратно заплетенной косы в беспорядке торчали белокурые пряди. Камилла знала, что гнев Сильвии направлен не на нее, а на герцога Мишеля, но от этого ей не становилось легче.

В другом углу комнаты повитуха Аннет мыла руки, склонившись над изящной фарфоровой чашей, сплошь расписанной мелкими цветочками размером не больше женского ногтя. Движения повитухи были резкими, выражение лица – свирепым. Капли воды летели во все стороны, хлопья мыльной пены оседали на мягком ворсе ковра, наполняя помещение ароматом жасмина. Коротко остриженные волосы повитухи блестели в мерцающем свете дюжины свечей. В целом обстановка спальни была роскошной, здесь имелось все, о чем только можно было мечтать. Кроме одного, самого главного – ощущения безопасности.

Камилла не могла позволить своим эмоциям вырваться наружу. Она так долго держала их при себе, что они переплелись между собой, сплывались и превратились в кусок мутного стекла, который навеки поселился у нее в животе, изматывая до мозга костей.

Обведя взглядом спальню, Камилла вздрогнула и повела плечами. Сейчас она отдала бы все на свете, лишь бы остаться одной, чтобы собраться с мыслями и немного отдохнуть, но если бы герцогиня отпустила служанку и Аннет сразу после процедуры, через которую ей пришлось пройти, то это значило бы показать свою слабость. Она и без того едва не выдала себя сегодня, когда герцог сообщил ей о смерти господина Альфонса. Охваченная горем, Камилла чуть не раскрыла тайную миссию Альфонса, миссию, которая и привела его к гибели. Впредь ей следует быть осторожнее. Она сохранит свое достоинство, а вместе с ним и свои секреты.

Тишину, воцарившуюся в покоях, нарушила Сильвия:

– Я принесу вам вина, мадам, а еще поищу льда, чтобы приложить к вашим кровоподтекам.

– Сядь, – приказала Камилла: метания Сильвии взад-вперед по комнате утомили ее. Затем она перевела взгляд на умывальню, тщательно избегая смотреть на свое отражение в огромном зеркале в золотой раме. – Итак, что скажете, матушка Аннет?

Повитухе от роду было лет тридцать, постоянным местом ее работы был городской бордель, где она лечила порочных жриц любви от нехороших болезней и помогала им при родах, если таковые случались. Это была миниатюрная женщина с коротко остриженными волосами и обезображивающим лицо шрамом. Для своих тайных вылазок во дворец она облачалась в мешковатое серовато-коричневое платье – эдакий воробышек, случайно залетевший в золотую клетку и счастливо выбравшийся из нее, никем не замеченный, кроме двоих людей, Камиллы и Сильвии. Герцогиня Камилла видела госпожу Аннет только в своих апартаментах и даже не знала, где та живет, поскольку ее приводила к ней Сильвия, когда возникала надобность. Однако Камилла вверяла ей свое здоровье и даже жизнь, иного выбора у нее не было.

– Вы не беременны, ваша светлость, – произнесла повитуха.

Ни один мускул не дрогнул на лице герцогини, но все же верная Сильвия встала со стула и снова подошла к своей госпоже, словно желая поддержать в нужную минуту.

– Я сильно пострадала? – ровным тоном поинтересовалась Камилла.

Матушка Аннет взяла лежавшее на столе полотенце и принялась яростно вытирать руки.

– У вас много ссадин и кровоподтеков, – сказала она.

Камилла чуть заметно повела бровью. Как будто она могла забыть опухшую красную щеку и рассеченную тяжелыми перстнями мужа кожу под подбородком. Левое плечо чудовищно болело от удара об обитую шелковыми обоями стену в его кабинете, давали о себе знать и бедро, и локоть – это когда разъяренный

герцог швырнул ее на мраморный пол.

- Но внутренних повреждений, надеюсь, нет?

- Нет, ваша светлость.

Матушка Аннет отложила наконец полотенце и направилась к герцогине. Остановилась в двух шагах от нее и, хмуро посмотрев ей в лицо, спокойно проговорила:

- Когда-нибудь он вас забьет до смерти, ваша светлость.

Сильвия открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Камилла подняла руку, призывая женщин к тишине:

- Я вполне могла бы забеременеть, ведь мне еще не слишком много лет.

Повитуха Аннет скрестила руки на груди.

- Ваша светлость, - молвила она, - позвольте мне, недостойной, заметить, что вы не совсем обычная женщина. И в этих делах разбираетесь гораздо меньше, чем все, кого я знаю.

Камилла услышала, как Сильвия тихонько ахнула, сдерживая смех. Верная служанка, как и повитуха, никогда не боялась говорить правду своей госпоже, за что Камилла была ей благодарна и многое прощала.

- Если я подарю герцогу наследника, - сказала она, - ему не придется искать себе другую герцогиню.

- В нашем герцогстве каждому известно, что у его сиятельства нет внебрачных детей на стороне, хотя, видит Бог, в попытках занять таковых он себе не отказывает, - заявила повитуха. - Знаете, как бы я поступила на вашем месте? Да очень просто. Завела бы себе другого производителя и выдала бы родившегося ребенка за законного наследника своего мужа, достойного воспринять герцогский трон.

Никогда еще матушка Аннет не выражала свои мысли столь прямо и открыто. Камилла покачала головой. Она по своей воле вышла замуж за Мишеля, младшего сына именитого семейства, который, женившись на Камилле, сразу же получил герцогство. Камилла вполне могла не пойти на поводу у своего отца и, послушавшись его приказа отправиться под венец с Мишелем, убежать из дома, но она не сделала этого, наивно полагая, что герцогству без нее будет плохо. Поэтому она четко произнесла клятвы перед алтарем и с этой минуты взвалила на плечи огромную ответственность не только перед мужем, но и перед жителями герцогства. Совершенная ошибка стоила ей двадцати лет жизни, но она по-прежнему придерживалась своих убеждений.

Пара-тройка ударов и оплеух, отвешенных тяжелой рукой герцога, не должна поколебать ее устои. Впрочем, сейчас кое-что изменилось. Сегодня она узнала, что крупный феодал Альфонс мертв. Его убили как раз в тот момент, когда он пытался помочь ей, даже не подозревая, что обращение Камиллы к господину Максиму с жалобой наносит вред его герцогу. Альфонс едва ли был старше Аннет или Сильвии. Кто же теперь на очереди? вполне возможно, что Сильвия...

Боже, как кружится голова...

– Мадам?

Голос Сильвии вывел Камиллу из задумчивости. Она несколько раз моргнула, и предметы обстановки перестали плыть у нее перед глазами. Оказалось, что Сильвия крепко вцепилась в ее покрытую отвратительными синяками руку, а матушка Аннет тем временем поднырнула под другую руку и они ведут ее к кровати. На нижней части балдахина, такого же голубого с золотом, как и простыни с покрывалом, красовались вышитые фигурки селян и селянок, вспахивающих землю и бросающих в нее семена, – прозрачная аллегория, олицетворяющая плодovitость супружеской четы, возлежащей на этом великолепном ложе. Вот только Мишель ни разу не укладывал на него Камиллу, ее всегда приводили в его покои слуги.

– Он убьет вас, – мрачно повторила Аннет бесстрастным голосом, будто говорила прописную истину, что небо синее, а за зимой всегда приходит весна. Затем она осторожно провела тыльной стороной ладони по лбу и щеке Камиллы и, увидев, что герцогиня прикрыла глаза, обратилась к служанке: – Сильвия, принеси шерстяные одеяла. Ей нехорошо.

Только сейчас Камилла осознала, что дрожит с головы до ног, а желудок сводит судорогой.

– Это всего лишь голод, – сглотнув, пояснила она, когда служанка вышла из спальни. – С тех пор как Сильвия ушла за вами, матушка Аннет, у меня во рту не было и крошки.

Аннет подложила подушку под ноги герцогине и снова повторила мысль, которая не выходила у нее из головы:

– Убьет он вас, как пить дать убьет. И вы сами знаете, что тогда случится. Он разорит это герцогство, уничтожит его, а потом возьмется за какое-нибудь другое – так же, как это сделал ваш отец.

Да, это правда, угрюмо подумала Камилла, но даже себе – а тем более кому-то другому – она не могла признаться, что проиграла, а Мишель одержал над ней верх. Вместо этого она вновь обратилась к повитухе:

– Вам следует немедленно покинуть дворец, пока вас не обнаружили в моих покоях.

– Не бойтесь за меня, ваша светлость, – ухмыльнулась дерзкая повитуха. – В отличие от вас я дорожу своей шкурой.

В спальню вернулась Сильвия, держа в охапке несколько шерстяных одеял. Заботливо укутав свою госпожу, она сказала:

– Мадам, вам нужно хорошенько отдохнуть. Аннет, что я должна сделать?

– Убеди ее светлость подыскать кого-нибудь другого, чтобы сделал ей ребенка, – посоветовала Аннет. – И проследи, чтобы он был здоров и имел достаточное сходство с нашим герцогом.

* * *

Камилле уже давно было запрещено кататься верхом и посещать конюшни, но она на свой страх и риск время от времени все же выходила на белые крепостные стены, чтобы хотя бы издалека полюбоваться своими лошадами.

Спустя две недели после визита повитухи Аннет Камилла тихонько пробралась на свое излюбленное местечко возле бойницы, откуда открывался прекрасный вид на дворцовые конюшни и огороженный круг для выгула лошадей. Ее сопровождали два стражника, евнухи Каспар и Арно. Видя, что герцогиня сегодня не склонна к беседам, стражники держались поодаль и не осмеливались обменяться словечком даже между собой.

С утра поднялся ветер, в небе стали сгущаться тучи, и сейчас в воздухе явственно ощущалась приближающаяся гроза. Жадно впитывая в себя свежий воздух, смешанный с запахом конского пота и опилок, Камилла подошла к бойнице, встала так, чтобы оставаться незамеченной, и принялась наблюдать за своей обожаемой кобылой Гирляндой и другими лошадами, за которыми она так долго ухаживала, которых баловала, объезжала и кормила с руки.

Юный помощник конюха занимался выездкой кобылы по имени Лайла. Он держался свободно и уверенно на лоснящейся спине животного, грациозно двигающегося по кругу. Юноша сидел на кобыле как влитой, спину держал прямо, и лишь его длинные каштановые волосы развевались по ветру. Уже четыре года прошло с запрета герцога, и с тех пор Камилла не ездил верхом и даже близко не подходила к конюшням и не разговаривала с конюхом. Но когда-то давно она сама наблюдала, как мальчика впервые усадили на лошадь, а потом выезжала вместе с ним в луга и давала дельные советы по уходу за животными. Теперь его гордую осанку она различала даже издали. Глядя на наездника и лошадь, она тихо радовалась: ее Лайла в хороших руках.

Залюбовавшись зрелищем ездока и животного, слившихся в единое целое, Камилла погрузилась в задумчивость. Интересно, как сейчас выглядит этот паренек? Столько времени прошло, ему уже, наверное, лет двадцать. Изменился ли он внешне? Камилла вспомнила его большие уверенные руки, длинные ресницы, открытую заразительную улыбку, и вдруг ей пришло на ум, что парень вдвое моложе ее. Если бы она родила ребенка сразу после замужества с Мишелем, ее сын был бы такого же возраста, как и этот помощник конюха.

И почему-то она вспомнила, что у грума синие глаза. Совсем как у герцога.

Обычно Камилла простаивала у бойницы довольно долго и успевала не только понаблюдать за всеми лошадами, но и сделать наброски своих любимиц в небольшом альбоме. Но сегодня вечером она изменила этим правилам. Резко отвернулась от бойницы и направилась к своему крылу дворца. Каменные плиты башни неприятно холодили ноги в открытых туфельках на тонкой мягкой подошве. Каспар и Арно безмолвно следовали за своей госпожой, и их присутствие у нее за спиной выдавал лишь тихий лязг оружия. Втроем – Камилла впереди, евнухи сзади – они спустились с орудийной башни по узкой лестнице, пересекли безупречный внутренний сад, разбитый на месте бывшей полосы обороны, и прошли через анфиладу комнат с огромными дверями красного дерева, украшенными гербами герцога, и каждую дверь перед ними широко распахивали ливрейные лакеи, кланяясь госпоже в пояс.

Далее герцогиня со своими молчаливыми охранниками миновала запертую дверь, ведущую в ее личный зал для приемов, и вошла в потайной проход. Узкий вспомогательный коридор покрывали толстые ковры, выдержанные в голубых и золотых тонах, ступать на которые ей было особенно приятно после холодного камня башенного пола. Камилла не стала снижать темп, чтобы полюбоваться золотистыми обоями, щедро украшенными великолепными узорами, зеркалами, подсвеченными мерцающими свечами, и изображениями лошадей, украшающими стены. Сильвия, должно быть, уже выставила остальную прислугу, и они смогут уединиться в покоях герцогини вчетвером, как и было задумано ранее.

Пройдя следом за Камиллой ряд внешних комнат, Каспар и Арно оказались в герцогской опочивальне. Там их уже поджидала Сильвия, расположившаяся на краешке декоративного неустойчивого стула, который никогда не нравился самой Камилле.

– Я все сделала так, как вы повелели, мадам, – сказала Сильвия, обводя рукой пустое помещение. – Вся челядь отпущена.

Камилла заранее решила, что служанка и два охранника должны сидеть, поскольку сейчас они были ее единомышленниками, а не прислугой. Взглянув на Каспара, она указала ему рукой на стул, однако гвардеец лишь ухмыльнулся и покачал головой:

– Простите, ваша светлость, но это, боюсь, не для меня. Под моим весом стул просто разломится.

Он был широк в плечах и намного выше всех присутствующих. Его обнаженный гладкий торс крест-накрест перевязывали кожаные ремни, поддерживающие ножны с длинным кинжалом, расположенные на спине между лопатками. Плоскую рукоять кинжала украшала, как было известно Камилле, серебряная чеканка с изображением ее гербового щита. По обе стороны бедер в голубых штанах крепились короткие мечи, их эфесы были просто плотно обмотаны полосками мягкой замши.

Арно, младший из двух евнухов, тоже подал голос:

– Я бы предпочел сесть на пол, как и Каспар, если вы позволите, ваша светлость.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – согласилась Камилла, усаживаясь в кресло и подождав, когда оба гиганта расселись на полу – даже в таком положении они возвышались над ней и Сильвией, – а потом медленно обвела взглядом каждого из присутствующих и одарила самой ласковой улыбкой. Выдержав небольшую паузу, она продолжила: – Сильвия собрала сведения о некоторых... кандидатах, и только трое из них подошли по параметрам здоровья, внешности и близости ко двору герцога.

– Мадам, – быстро проговорила Сильвия, – мы могли бы выманить господина Пиркена из его владений. Он питает к вам определенный интерес... – Заметив брошенный на нее уничтожающий взгляд Каспара, она небрежно отмахнулась.

– Думаю, не стоит его тревожить, – возразила Камилла. – Не забудь, сейчас время посевных работ. – К тому же, подумала она, господин Пиркен не тот человек, который согласился бы оплодотворить ее и отойти на задний план. Нет, он непременно потребует что-нибудь взамен, а она не сможет удовлетворить его запросы. – Помолчав, Камилла продолжила: – Из троих оставшихся мужчин господин Густав более всего похож на Мишеля внешне, однако у него совсем другой темперамент. Он очень обидчив, принимает все близко к сердцу и при этом склонен к преувеличению значимости собственной персоны. Я не склонна доверить ему свою тайну. Он вполне способен потребовать от меня долгосрочную связь и какой-нибудь политический пост в обмен на свое семя. А я не готова все это ему предоставить.

– А господин Джон Маленький? – спросила Сильвия.

– Ну, он, думаю, не подходит нам по возрасту, – с неохотой произнесла Камилла. – Его сыну почти тридцать лет, во дворце он всячески поддерживает меня, это верно, но если он не сможет справиться с нашей задачей, что более чем вероятно, то все пойдет прахом.

Когда-то Камилла находилась с Джоном Маленьким в приятельских отношениях, но уже очень давно не виделась с ним и не хотела подставлять его под удар и подвергать смертельной опасности, делая из него жеребца-производителя. Кроме того, она не была уверена, что его щепетильность и моральные устои позволят ему пойти на предательство по отношению к ее мужу.

– Но тогда у нас остается только одна кандидатура – помощник конюха! – воскликнула Сильвия.

Камилла посмотрела на Каспара, потом на Арно. Выражение их лиц оставалось бесстрастным. Немного подумав, она перевела взгляд на Сильвию и спокойно произнесла:

– Ты сама обратила мое внимание на потенциального кандидата, к чему же возмущаться? Он молод и отличается отменным здоровьем, у него подходящий цвет волос, да и глаза тоже, а его мать родом из тех же мест, что и Мишель. У него такой же тип лица и строения тела, как у моего мужа. А самое главное, он предан мне, преклоняется передо мной как перед герцогиней и никогда не посмеет зариться на государственные посты. Он... он хорошо относится к моим лошадям, наконец. Он – лучшая кандидатура.

– Но, мадам, он же еще совсем мальчик! Ему всего-то девятнадцать лет!

– Что ж, это огромный плюс, – возразила Камилла. – Значит, он уже достиг половозрелого возраста и способен к половому акту и деторождению. Приведи его ко мне как можно скорее, Сильвия. Насколько я помню, его зовут Анри. – Она сглотнула внезапно образовавшийся в горле комок. Кто она такая, чтобы требовать от этого милого юноши, который всегда был так почтителен, лечь с ней в постель? Но, если она не сделает это, Мишель убьет ее, а она не хотела умирать.

– Но он не поймет всю серьезность возложенной на него миссии...

– Сильвия, – прервала служанку Камилла, – ты приведешь его ко мне.

Если бы Сильвия на самом деле считала, что парень не годится на отведенную ему роль, она бы ни за что не включила его в список потенциальных кандидатов. Поэтому, выслушав приказание госпожи, она лишь склонила голову в знак подчинения. Не важно, довольна она решением герцогини или нет, она сделает так, как ей сказано. Позже она убедится в том, что Камилла сделала единственно правильный выбор, ведь ей не нужно будет раздавать какие-либо политические посты обыкновенному конюху. А если он будет относиться к ней так, как к лошадям, о которых ежедневно заботится, то и не предаст ее никогда.

– Каспар и Арно, – обратилась к евнухам Камилла, – этот план может провалиться. Если окажется, что мне неминуемо грозит заключение в башню или смертная казнь, нам надо будет бежать из дворца. Я полностью полагаюсь на вас и на тебя, Сильвия. Вы должны добыть достаточное количество денег и провизии, чтобы обеспечить нас в течение нескольких недель. Вы все трое будете сопровождать меня. И учтите, самое главное, чтобы слухи о нашем предприятии ни в коем случае не стали достоянием гласности и ни одна душа во дворце или городе не узнала о наших планах.

– Все будет сделано, ваша светлость, – склонив голову в знак подчинения, произнес Каспар. – Куда мы направимся?

– Конечной целью нашего путешествия станет прибрежный протекторат, там мы попросим помощи у господина Максима. Он предоставит нам безопасное убежище, в этом я уверена. Мы с ним вместе выросли здесь, в этом дворце, а такое не забывается.

– Господин Максим?! – не сдержался Арно, до этой минуты не проронивший ни звука. – Ваша светлость! Да он же ни перед чем не остановится, лишь бы вернуть своему протекторату статус герцогства! Чем не повод для его целей, если вы окажетесь в его власти!

– Если он обидит меня или предаст, это ничего не изменит, – отрезала Камилла, окинув Арно холодным взглядом. – Мой муж никогда не даст волю его протекторату. Мишель искренне считает свои претензии обоснованными, поскольку мой отец завоевал этот протекторат и убил отца Максима, и теперь Мишель считает, что обязан заботиться об этой земле и о людях, населяющих ее.

Но на самом деле герцога интересуют только доходы, поступающие в его казну. Максим непременно поможет мне. А потом мы вернемся сюда, и я возьму то, что принадлежит мне по праву.

Максим, безусловно, потребует, чтобы она оказала ему покровительство, никакой помощи из чистой благотворительности он оказывать ей не будет, так всегда действуют правители в интересах своего народа. Но так или иначе он все-таки поможет ей, и тогда... тогда она сделает все возможное, чтобы Мишель больше никого не обижал.

Глава 2

Анри с удовольствием провел обеими ладонями по глянцевитой коже Гирлянды, дополняя последний штрих к ее утреннему туалету. Потом поднырнул под поперечной балкой, призванной удерживать лошадь в спокойном состоянии, и услышал, как Гирлянда благодарно всхрапнула. Анри улыбнулся и принялся ослаблять недоуздок, чтобы отвести кобылу в ее стойло и заняться следующей лошадью.

– Эй, мальчик!

Вздрагнув от неожиданности, Анри быстро обернулся. Что он сделал не так на этот раз? А может, наоборот, чего-то не сделал?

В распахнутых дверях конюшни стояла молодая блондинка с заострившимися чертами лица. Женщина брезгливо поддерживала подол платья, чтобы не запачкать его соломой. Анри видел ее на конюшне пару раз раньше и решил, что она любовница кого-то из старших конюхов или же служит посыльной и приходит сюда с каким-нибудь поручением. На блондинке было ничем не выделяющееся платье, какие обычно носят кухарки или повара.

– Оставь кобылу в покое, – произнесла женщина повелительным и даже надменным тоном, который так не вязался с ее невзрачным одеянием и больше приличествовал слугам из высшей касты дворцовой челяди. – Ты должен следовать со мной.

– Но у меня работа... – запротестовал Анри.

– Работа подождет, – властно оборвала его женщина. – Тебя желает видеть ее светлость.

Анри застыл на месте, раскрыв рот. Сначала ему показалось, что он ослышался. Он уже много месяцев не видел герцогиню, до него даже доходили слухи, что герцог убил ее в приступе дикой ярости. Кое-кто говорил, что она жива, но отправлена в психиатрическую лечебницу, поскольку невозможность родить ребенка свела ее с ума. Очевидно, она действительно лишилась рассудка, раз зовет к себе столь незначительную персону, каковой является он, простой конюх Анри. Или он неверно понял слова этой женщины и его ожидает встреча с дворецким или дворцовой домоправительницей? По крайней мере, у него появится возможность узнать, жива ли герцогиня и каково состояние ее здоровья. Быть может, эта женщина даст ему какие-нибудь сведения или же его на самом деле желает видеть герцогиня, чтобы порасспросить о ее любимых лошадках.

– Что ее светлости нужно от меня? – спросил он, решив, что женщина находится в услужении у герцогини.

– Она сама все тебе скажет. Давай же, мальчик, поторапливайся, я не собираюсь околачиваться тут целую вечность.

Понуриив голову, Анри направился следом за служанкой. Вскоре они прошли через специальный вход для прислуги, миновали дворцовый двор, окруженный белыми стенами, которые, казалось, подпирали небо, и по затемненному коридору приблизились к высокой двери, ведущей в господские покои. На протяжении всего пути Анри мрачно раздумывал о причинах, заставивших герцогиню вызвать его к себе. Чем это обернется лично для него? Добром или злом? В конце концов он пришел к неутешительному выводу, что для герцогини все окончится хорошо, зато для него – плохо.

Служанка шла очень быстро, не оглядываясь, чтобы удостовериться, следует ли за ней грум. Стараясь не отставать, Анри посмотрел под ноги. Пол был устлан хорошо отполированными мраморными плитами, напоминавшими цветом лед, покрывающий зимой реки. Коридоры были пусты, никто не встретился им по дороге, и от этого обстоятельства кровь стыла у Анри в жилах. Он прекрасно

знал, что во дворце трудятся более сотни слуг. Не может быть, чтобы все они в один миг исчезли: кто-то должен хотя бы натирать вот эти самые полы, не так ли? Кроме того, Анри лично знал кое-кого из лакеев и слышал их рассказы о том, что большую часть времени они были обязаны находиться в коридорах и проходах на случай, если вдруг они понадобятся господам или кому-то из вышестоящих слуг. А сейчас здесь стояла гулкая тишина. Так куда же подевались все лакеи? Почему-то их не было только в этих коридорах. Да и горничные тут не сновали...

Юноша предполагал, что до личных покоев герцогини его не допустят, ведь она всегда разговаривала со своими слугами в специальном зале для приемов, вернее, в комнате, расположенной за главным залом, и об этом знали все с тех пор, как дворец был открыт для посещения простым людом. Вероятно, служанка вела его сейчас какой-то другой дорогой.

Но даже если его догадка верна, это все равно не объясняет полное отсутствие прислуги в коридорах, по которым они проходили. Если придерживаться обычной логики, вокруг главного зала для приемов должно находиться даже больше лакеев и слуг, чем в личных апартаментах герцогини. Пока служанка в неприметном платье вела его по узкой лестнице, Анри вдыхал резкий запах лимона и пчелиного воска и мысленно прикидывал, были ли лакеи подкуплены и каково предложенное вознаграждение, если таковое, конечно, имело место.

Наконец служанка остановилась перед обшитой панелями красного дерева дверью и сделала Анри приглашающий жест войти внутрь. Анри так и сделал, отметив, что сама служанка осталась снаружи, а пропустив его вперед, плотно закрыла за ним дверь, после чего послышался мягкий толчок, словно она привалилась к двери спиной.

Комната, в которой оказался Анри, сверкала от яркого сияния множества свечей в канделябрах и переливающихся всеми цветами радуги подвесок в виде маленьких капелек, сделанных из чистейшего стекла, какого груму еще не доводилось видеть. Свет отражался от белого мраморного пола и болезненно резал глаза. Стены украшали богатые гобелены, расшитые узорами из пышных вьющихся растений в обрамлении сине-золотых листовидных аппликаций. Гобелены эти поражали своей роскошью и почти полностью заглушали звуки. Анри охватил трепет, парень почувствовал, что он внезапно очутился внутри украшенной драгоценностями шкатулки, наподобие той, в которой герцогиня хранила утварь для уздечки своей любимой кобылы Гирлянды.

Желая лучше разглядеть гобелены, молодой конюх повернул голову направо и только тут заметил герцогиню, молча наблюдавшую за ним. В своей неподвижности она была похожа на статую. Да, это на самом деле была герцогиня собственной персоной, а не какое-то там должностное лицо или домоправительница. Пораженный ее красотой и аристократической осанкой, Анри широко распахнул глаза, не в силах произнести ни слова.

На ней было темно-красное одеяние с широкой, раздутой колоколом юбкой и низким квадратным вырезом на груди, а шею украшало такое количество драгоценных камней, какого он не видел никогда в жизни, даже на придворных дамах, съезжавшихся на очередной бал во дворец. В посеребренных сединой длинных волосах сверкали огромные шлифованные кроваво-красные рубины, в ушах виднелись серьги с рубинами помельче, похожие на гроздья винограда. Светлые глаза герцогини были устремлены прямо на Анри, и от этого пристального взгляда парень впал в странное оцепенение. Как правило, помощника конюха никто и никогда не замечал, и от внимания этой царственной особы ему было явно не по себе.

Впрочем, когда-то Анри довелось общаться с герцогиней. Тогда он был совсем еще мальчишкой, и она приставила к нему своего личного тренера по верховой езде, чтобы тот научил его правильно сидеть в седле. Иногда она и сама приходила на конюшню, чтобы посмотреть на лошадей, а однажды Анри даже посчастливилось подставить сложенные ковшиком ладони, чтобы помочь ей скользнуть маленькой ножкой в стремя. Тогда ему было около пятнадцати лет, но он до сих пор помнил сапожок из тончайшей кожи, мелькнувший из-под подола богато расшитой юбки. Поднять глаза выше он не посмел. Герцогиня бросила ему тогда медную монетку. А спустя несколько недель герцог запретил ей скакать верхом. Поговаривали, что из-за верховых прогулок она не могла забеременеть и выносить супругу наследника – даже девочку и ту не сумела родить.

Сейчас ей стукнуло сорок, рожать, видимо, уже поздно, так почему же снова не начать кататься верхом, раз это не сможет нанести вред женщине в солидном возрасте для вынашивания дитя? Она не должна столь слепо повиноваться приказаниям сурового супруга, который ограничивает ее свободу. Анри много раз видел, с какой нежностью герцогиня гладила лошадок, как прижималась лбом к их холеным мордам, едва не целуя своих любимиц. Герцогиня любила лошадей, и поэтому она нравилась Анри. Лошади хорошо разбираются в людях; одна из них вполне может привязаться к жестокому человеку только за то, что

он дает ей морковку, но все лошади в конюшне не способны так ошибаться. Анри ездил на всех ее лошадях, и каждая из них относилась к нему доверчиво. Зато после общения с охотничьими жеребцами герцога он убедился, что их хозяин отличался неуклюжестью, не понимал язык тела животных и был абсолютно равнодушен к ним, поэтому они все как на подбор были скованны и пугливы.

Тишина в комнате становилась гнетущей. Наконец герцогиня медленно произнесла:

- Ты похож на моего мужа, - и после паузы задумчиво добавила: - Значит, все может получиться.

Анри прекрасно понял смысл ее высказывания. Он не мог ошибиться. Выходит, то, о чем шепталась по углам дворцовая челядь, вовсе не пустые слухи. Язык Анри прилип к небу. Скажи он хоть одно лишнее слово - и герцогиня велит запереть его в клетку и выставить на городскую площадь на всеобщий позор и закидывание камнями и тухлыми овощами и фруктами. Однако и убежать Анри не мог, поскольку герцогиня призвала его пред свои очи, а он повиновался, вместо того чтобы спрятаться в укромном местечке, как сделал бы любой здравомыслящий человек, если бы стал объектом внимания влиятельного дворянина. Значит, ему небезразлично, забеременеет его госпожа или же ее казнят? - сам себе удивился Анри.

Они находились здесь одни, в этой роскошно обставленной комнате для приемов. Если кто-нибудь застанет Анри тут наедине с герцогиней (кроме служанки, которая сама привела его сюда), не миновать ему самых страшных пыток, а затем и казни. Насколько Анри было известно: герцогине строго-настрого запрещено контактировать с мужчинами - только в присутствии евнухов-охранников. Сам герцог, естественно, в расчет не шел.

Дабы не озираться по сторонам и не встречаться взглядом с величественной герцогиней, Анри уставился на порфиновый медальон, вмонтированный в белый мраморный пол. Сверкающая чистота и великолепие убранства комнаты подавляли несчастного грума, у него вполне ощутимо дрожали колени, а внутри живота все сжималось. Он уже чувствовал себя обреченным на верную смерть, хотя никому в жизни не причинил вреда. И сейчас он всего лишь подчинился приказу, переданному герцогиней через горничную, и пришел сюда, словно его, как послушную лошадь, вели в поводу.

– Слушай меня, мальчик, – проговорила герцогиня. – Понимаешь ли ты, зачем призвала тебя твоя госпожа? Я знаю, как хорошо ты обходишься с лошадьми, и рассчитываю, что ты способен выполнить эту задачу. – Голос ее был тихим, но властным.

Она направилась к Анри, и он, по-прежнему глядя в пол, невольно подался назад. В горле у него мгновенно пересохло. А затем случилось невозможное – он ощутил легкое прикосновение к своим волосам.

– Подними голову, мальчик.

Он подчинился, дрожа с ног до головы.

– Я прошу тебя, – сказала она буднично, словно просила подать ей чашу утреннего эля. – Ты сделаешь это?

Анри все же осмелился посмотреть на герцогиню, чье лицо было очень похоже на изображение, которое он однажды видел на серебряной монете, – четкие очертания губ, чуть длинноватый прямой нос. Сейчас, когда она стояла так близко, Анри мог рассмотреть тщательно запудренные царапины на ее скуле и мелкие морщинки в уголках глаз. Густые седые пряди серебрились в черных как смоль волосах, струящихся по плечам до самой талии. Холодные серые глаза цвета зимнего неба наполнились слезами, но она быстро справилась с собой, и они снова превратились в морозный металл.

В мозгу у Анри на мгновение вспыхнула яркая, но абсолютно неправдоподобная картинка: они вдвоем лежат на сеновале, и их тела заливают жаркое полуденное солнце... Он спасет герцогиню, а как после этого поступит она? Убьет его, чтобы никто не узнал, что он совершил, и ее тайна не всплыла наружу?

– Но, ваша светлость... – промямлил Анри.

От ее нарядного платья исходил аромат дорогостоящих пряностей, незнакомый юному конюху, а его одежда источала едкий лошадиный дух, смешанный с запахом кожи и его собственного пота. Горничная приказала ему снять сапоги у входа в комнату, и сейчас его грубые, покрытые мозолями пальцы ног неуклюже поджимались на полированном мраморе пола.

Герцогиня внезапно отошла от него, и ее юбки взметнулись вокруг изящных туфель.

– Если я не произведу на свет наследника герцогского трона в течение года, меня убьют, и тогда у моего супруга появится возможность подыскать себе новую жену, – безжизненным голосом произнесла она. – Таков закон. Сначала мне обреют голову, а затем отрубят ее. Ты меня понимаешь? Отвечай.

– Д-да.

– Тебя я защитить не смогу. Я всего лишь женщина, и мои приказы гвардейцам герцога не стоят и ломаного гроша. – Она помедлила, потом снова спросила: – Ты сделаешь это для меня?

На секунду ее лицо стало жалким. Господи, какой позор! Никогда еще Камилла не падала так низко, никогда не просила ни о чем подобном, тем более какого-то конюха, простого мальчика-грума, но ей действительно требовалась его помощь, и только он мог эту помощь оказать.

Губы Анри дрогнули. Он молча кивнул и опустился перед ней на колени, пытаясь отыскать еще хоть один признак человечности на ее бледном аристократическом лице.

Шурша юбками, герцогиня метнулась к двери. Сейчас она походила на яркую птицу, случайно залетевшую в конюшню. Анри быстро поднялся с колен и направился за ней. Она добилась его согласия. Неудивительно, ведь аристократы всегда получают то, чего хотят. Это их право.

Но как, черт побери, он сможет раздеться в ее присутствии?!

У самой двери она остановилась и проговорила будничным, ничего не выражающим тоном, словно обсуждала с горничной, какое платье выбрать для завтрака:

– Лучше всего это сделать прямо сейчас. Мой супруг пошлет за мной сегодня ночью.

Анри снова кивнул. А что еще ему оставалось делать?

Герцогиня чуть-чуть приоткрыла дверь и выглянула наружу. Затем вполголоса отдала какое-то приказание служанке и снова захлопнула дверь.

Анри нервно дернулся.

– Сюда, – коротко бросила она.

Он последовал за ней и с удивлением увидел, как она отодвигает в сторону изящное деревянное кресло с обитым бархатом сиденьем и витыми подлокотниками, инкрустированными цветочным узором. За креслом пряталась потайная дверь, прикрытая красной тканью, сплошь расшитой мелкими цветочками более густого красного оттенка.

Анри ожидал, что за этой дверью их встретит темнота или, в крайнем случае, полумрак, однако коридор с выложенным красноватым мрамором полом был ярко освещен ароматными желтыми свечами толщиной с мужское запястье, которые стояли в золотых подсвечниках в форме изящных женских ручек, украшенных браслетами с красными камнями. Такого количества свечей Анри не видел никогда в жизни. Интересно, кто их зажигает? Кто снимает с них застывшие капли расплавленного воска?

По стенам коридора стояли стулья эбенового дерева с инкрустированными цветочным узором спинками, а между ними примостились небольшие столики с мраморными столешницами. Каждый столик был пуст. Для какой цели их поставили сюда, Анри не представлял.

Герцогиня стремительно шла по коридору, не удосуживаясь бросить даже мимолетный взгляд на натюрморты в позолоченных рамах, на гобелены, изображающие богато одетых дам, гуляющих со своими розовощекими отпрысками в цветущих садах, и на мраморный бюст герцога, чей пустой, но всевидящий взгляд заставил Анри немедленно отвести глаза.

К огромному облегчению юного груга, он не увидел в коридоре ни одного стражника.

Озираясь по сторонам, Анри чуть не налетел на герцогиню, которая внезапно остановилась, вытаскивая из-за корсета маленький золотой ключик. Анри отшатнулся, оперся на стену, чтобы не упасть, и, быстро повернув голову, заметил на бледно-розовых обоях грязное пятно от своей ладони. Мысленно охнув, он быстро стер пятно обшлагом рукава.

Скрежетнул ключ, проворачиваясь в замочной скважине, а затем распахнулась дверь.

Теперь Анри уже не стал разглядывать комнаты, через которые они проходили. В глазах у него рябило, а в мозгу осталось лишь общее восприятие роскошной обстановки: свежесрезанные цветы в напольных вазах, мягкий искрящийся бархат, огромные овальные зеркала в широких рамах, множество диванов с раскиданными на них яркими подушками, серебряные блюда со свежими фруктами, витиеватые стеклянные масляные лампы, от которых струился приятный аромат.

Когда герцогиня наконец снова остановилась, Анри увидел прямо перед собой немислимых размеров деревянную кровать под тяжелым балдахином, занавешенную пологом из золотой ткани с пушистой бахромой и украшенную голубыми шелковыми подушками. Кровать эта превосходила своими гигантскими размерами денник при зового жеребца-производителя, а два таких огромных лежбища полностью заняли бы лачугу, в которой появился на свет Анри. Все свои девятнадцать лет Анри спал на соломе, подложив под голову запасную рубаху, и по его стоптанным сапогам бегали крысы. Как он мог обслужить герцогиню на кровати, за деньги, полученные от продажи которой, можно купить всю его деревню? Нет, это невозможно. Его верный дружок съежился в штанах, как пустая оболочка для колбасы.

Не узнавая собственного голоса, Анри прохрипел:

– Подождите.

Герцогиня повернулась и посмотрела на него.

– Я... – Анри сглотнул, – я хочу...

Взгляд герцогини оставался бесстрастным. Она хранила гордое молчание. Да и зачем ей что-то говорить? – подумал Анри. Он здесь, рядом с ней, она уверена, что получит свое, а как будет происходить... действие, ее совершенно не волнует.

Ладно же! Анри тряхнул головой. Он заставит ее проявить хоть какие-то человеческие чувства. Пусть его ждет после этого лютая смерть, но он умрет настоящим мужчиной, а не бессловесным рабом.

– Я хочу, чтобы вы прошли туда, – сказал он самым решительным тоном, на какой был способен, и указал на комнату, из которой они только что вышли и которая его не так сильно пугала, как эта огромная опочивальня.

К изумлению Анри, герцогиня без всяких комментариев отступила от кровати и направилась к двери, при этом ее юбки скользнули по его голой ступне. Анри вздрогнул от прикосновения шелковой ткани, как нервный конь, и последовал за ней.

Комната, которую он выбрал, тоже была очень просторной, но здесь, по крайней мере, не было кровати.

– Если ты дашь мне ребенка, – проговорила герцогиня, – я отплачу тебе золотой монетой.

Щеки Анри вспыхнули от стыда. За кого она его принимает? Он не блудница, не распутная девка, которая продает свое тело за деньги, да и никакое золото ему не поможет, если стражники поймут его в покоях герцогини. Да его просто кастрируют раскаленным мечом, и это самое меньшее, что ему грозит. Обладая богатым воображением, Анри представил себе грядущую казнь и вдруг разозлился и почувствовал, что его дружок ожил и напрягся, ощутимо натянув домотканые штаны. Ну и пусть, подумал Анри, ему все равно, что подумает о нем герцогиня. Ему надлежит стать для нее не другом-приятелем, а жеребцом-производителем. Значит, он волен делать с ней все, что ему заблагорассудится. Абсолютно все. Сейчас ее светлость находится полностью в его власти.

А что она сделает, если у него ничего не получится? Найдет другого кандидата, готового заработать легкие деньги? Конечно найдет. Но нет, у него все должно получиться, он молод и полон сил. Пусть на очень короткое время, но он станет ее властелином.

– Снимите одежду, – глухо сказал Анри и получил равнодушный ответ:

– Одной мне не справиться. Ты должен мне помочь.

Эта проблема озадачила парня. Ему еще никогда не приходилось выступать в роли горничной. Однако перспектива раздеть ее светлость еще больше возбудила его.

– Наклонитесь над тем диваном, – сказал он. – Нет, не так. Перегнитесь через спинку.

Герцогиня сделала так, как он велел. Когда она наклонилась над спинкой дивана, грудь ее визуально увеличилась в объеме и едва не вывалилась из глубокого декольте. Теперь лицо женщины было скрыто свесившимися с обеих сторон волосами, зато взору Анри открылась белоснежная кожа шеи.

Юноша медленно обошел вокруг дивана, разглядывая герцогиню со всех сторон, и, подойдя к ней со спины, заметил пуговицы на ее темно-красном одеянии. Никогда еще он не видел такого количества пуговиц на женских платьях. Надо полагать, немало часов кропотливого труда потребовалось придворным белошвейкам, чтобы обшить эти пуговицы тканью, затем пришить их к платью и скрупулезно, виток за витком, соорудить крохотные петельки из ниток, чтобы платье можно было застегнуть.

Анри вздохнул. Проще всего было бы рвануть материю так, чтобы пуговицы брызнули в разные стороны, но вместо этого он осторожно освободил их из петелек. Тело герцогини стало постепенно обнажаться. Анри просунул руки за корсаж и сжал в обеих ладонях большие мягкие женские груди. Дыхание герцогини участилось, и из его легких воздух тоже стал вырываться чаще. Анри прижался к ней своим пахом и почувствовал, как нервно дернулись мышцы ее ягодиц. Он закрыл глаза. Да, он сделает то, о чем она просит, у него все получится, его тело готово выполнить приказ герцогини. С явной неохотой он отодвинулся от нее и продолжил процесс расстегивания пуговиц.

Вскоре ему удалось освободить ее тело от платья до самой талии. Как управляться с дамскими корсетами, Анри уже знал, поэтому справился с застежками достаточно быстро. Под корсетом он обнаружил платье-ру башку,

сотканное из тончайшего шелка, и хотел стащить его через голову герцогини, но от его хватки шелк порвался с негромким хрустом, и от этого звука Анри окатило жаркой волной. Пару минут он любовался линией женского позвоночника, а потом припал губами к шее герцогини и жадно поцеловал ее, однако вовремя вспомнил о том, что на нежной коже может остаться засос, который непременно заметит герцог, и выпрямился.

Герцогиня дышала быстро и неровно, тело ее сотрясала крупная дрожь. Анри с любопытством обозрел ее обнаженную спину и оценил совершенно неприличную для герцогини позу. При этом у него был такой вид, словно перед ним находилось новое седло, на которое он должен нанести глянец. На его губах мелькнула ухмылка: нет, это не седло, а распластанная на спинке дивана герцогиня, и ее необходимо ублажить, да так хорошо ублажить, чтобы после этого у нее появилось долгожданное дитя.

Анри провел босой ногой по толстому ворсу ковра, размышляя, что делать дальше.

– Поторопись, – сказала герцогиня.

Он чуть помедлил и коротко ответил:

– Нет.

Стащив с себя домотканую рубаху, Анри отшвырнул ее в сторону. Кожа мгновенно покрылась мурашками – в комнате приятно пахло духами, но было прохладно. Украшенная богатой вышивкой материя юбки зашуршала под его мозолистыми ладонями, когда он начал хватать ее горстями и поднимать вверх.

– Я хочу, чтобы вы оставались здесь, вот в этой позе, – набравшись наглости, заявил он.

Герцогиня никак не отреагировала на его слова, поэтому Анри продолжил задирать ее юбку, как будто она была какой-нибудь младшей помощницей повара на кухне. Наконец ему кое-как удалось обмять шуршащую ткань вокруг ее талии, но под ней обнаружили нижние юбки из более тонкой упругой материи. С ними Анри не стал особо церемониться. Вскоре из-под нижних юбок показались панталоны, почти такие же, как те, которые носили обычные

женщины, отличались они только тонкой выделкой материи и красным цветом. Проведя рукой по панталонам, Анри нащупал в ткани обычную гигиеническую прореху, а посмотрев вниз, удивился: все как у всех, никаких украшений, никаких вышитых цветочков. Зато попка была абсолютно чистой и гладкой. Надо же! Наверное, это признак аристократизма, подумал Анри, но тут же одернул себя и мысленно обругал за глупое предположение. Аристократизм тут ни при чем, просто у нее в услужении находится целая армия служанок, вот они-то и моют ее.

В мозгу у Анри тут же возникла яркая картинка, как девушки-прислужницы проводят герцогине интимную гигиену. Это напомнило ему скабрёзное изображение, висевшее на стене «Свежей розы», и в низ его живота накатила горячая волна. Он провел указательным пальцем по прорехе. Герцогиня затрепетала, как породистая кобылка, отгоняющая муху. Кожа ее полыхнула жаром. Анри не смог удержаться и, скользнув пальцем в заветное отверстие, понял: она полностью готова принять его. Наверное, ему удалось возбудить эту царственно-холодную женщину. Или, что гораздо вероятнее, ее возбудила сама ситуация, но кто он такой, чтобы предъявлять претензии или обижаться?

Свободной рукой Анри распустил завязки на своих штанах, и его верный дружок вырвался на свободу.

В коридоре раздались гулкие шаги и затихли вдали. Слава богу, кто-то прошел мимо их комнаты, так и не заглянув внутрь.

Лихорадочно оглядевшись, Анри нашел глазами мягкую кушетку у стены и, схватив герцогиню за локоть, энергично потащил туда, другой рукой поддерживая штаны. Герцогиня споткнулась об упавшие юбки, перешагнула через них и прошептала:

– Я слышала шум. Это стражники. Ты должен...

И действительно, снаружи снова раздались шаги, и на этот раз они приближались.

– Нет, они сюда не войдут, – ответил Анри. Конечно, они не посмеют ворваться в эту комнату, не сейчас, когда он вот-вот овладеет ею.

На выбранной им кушетке аккуратной кучкой лежали принадлежности для рукоделия, видимо оставленные какой-нибудь девушкой из ее челяди. Анри быстро смахнул их на пол. Герцогиня бросила на него холодный взгляд из-за плеча, тогда он издал прерывистый вздох и аккуратно отодвинул все из-под их ног.

Анри стало легче, когда герцогиня снова отвернулась от него. На ней остались лоскуты платья-рубашки, шелковые панталоны и рубиновые серьги. Туфельки слетели где-то по пути к кушетке, но на шее сверкали бриллианты, не замеченные им ранее из-за пышных одежд. Волосы слегка растрепались, однако не утратили богатое украшение из драгоценных рубинов. Но почему-то Анри вдруг подумалось, что она сейчас похожа на дешевую девку в доме свиданий, разыгрывающую роль герцогини.

Грациозным движением герцогиня подняла руки и освободилась от остатков платья-рубашки. Анри на секунду остолбенел – он и не предполагал, что человеческая кожа может быть такой кипенно-белой и поразительно гладкой. От обнаженной и разгоряченной плоти женщины на него жарко пахло ароматом розового масла, и от этого Анри нестерпимо захотелось спрятать грязные ноги в густом ворсе ковра, съежиться, забиться в какой-нибудь дальний угол, стать незаметным – пусть даже ему предстояло прямо сейчас овладеть этой божественной женщиной. Анри разжал руки, и штаны скользнули вниз, к его ногам. Слава богу, его верный дружок оставался бестрепетным и не поддавался сиюминутному настрою своего утратившего дух хозяина.

Герцогиня тем временем ослабила подвязки, на которых держались шелковые панталоны, и медленно, очень медленно стянула штанишки с округлых белых ягодиц и пышных бедер. Вот это тело! – глядя на нее, восхитился Анри, вновь разгораясь. Настоящая женщина, созданная для вынашивания и рождения детей.

Не в силах больше сдерживаться, Анри быстро шагнул к герцогине, пристроился к ней сзади и одним резким движением вошел в нее. Немного подождал, восхищаясь нахлынувшими ощущениями, и лишь потом начал двигаться короткими сильными ударами, каждый из которых сопровождался его мычанием и ее потрясенными вздохами.

В коридоре снова раздались шаги, на этот раз они слышались отчетливее, словно кто-то приближался к двери в их комнату. Герцогиня издала короткий

приглушенный всхлип – то ли от страха, то ли из-за того, что Анри крепко сжал ее груди. В этот момент Анри совсем перестали волновать стражники герцога, он уже просто не мог остановиться. И он ни за что не остановится! Ничего не видя, кроме распластанного под ним обнаженного тела, он пригнул женщину еще ниже, пронзая горячую плоть все глубже и глубже. Вздохи герцогини превратились в короткие низкие стоны.

Анри на мгновение замедлил темп. Может, он слишком груб с нею? Может, ему надо двигаться нежнее? Но нет, герцогиня повелела бы ему остановиться, а она, напротив, распалась все сильнее. Анри сделал последний рывок – глубже уже не войти – и наконец почувствовал, как ее тело судорожно содрогнулось, а потом и вовсе забило в сладких конвульсиях. Вслед за ней и Анри взлетел на пик восхитительного наслаждения.

И наступила тишина.

Пот, выступивший на теле во время неистового совокупления, быстро высох. Анри начал осознавать окружающую реальность.

Стражники, грохоча сапогами, приближались, их шаги замедлились.

Это он задрожал или герцогиня? Нет, все-таки это она.

– Не двигайтесь, – выдохнул он прямо ей в ухо и прислушался, превратившись в один комок нервов.

Сапоги пробряцали мимо, куда-то вниз по коридору. Анри издал вздох облегчения и вышел наконец из ее тела.

Он не мог просто так покинуть эту женщину, когда его семя струилось по внутренней стороне ее ляжек. Даже с продажной девкой он бы так не поступил. Герцогиня медленно выпрямилась, однако по-прежнему стояла спиной к нему.

– Повернитесь, – сказал он, однако говорить с ней командным тоном, как раньше, у него не получилось.

И все же она послушалась, эта фантастическая женщина с густыми длинными волосами, упавшими на обольстительные полные груди, женщина, все убранство которой состояло из драгоценного ожерелья на шее и шелковых чулок, поддерживаемых подвязками чуть выше колен, как это изображалось на эротических картинках. Она не потрудилась прикрыть свою наготу, стояла перед ним во весь рост, уверенная и хладнокровная. Только сейчас Анри заметил, что даже без туфель она была немного выше, чем он сам.

- Ты отлично поработал, - без тени улыбки произнесла герцогиня.

Интересно, кто-нибудь когда-либо видел, как она улыбается? - мелькнуло в голове у Анри, пока он неотрывно смотрел на покоренную им женщину. Гнев, наполнявший его душу, исчез, на смену ему пришла грусть.

Анри вспомнил, какие страстные звуки она издавала всего несколько минут назад. Ему казалось, что он доставил ей хоть немножко удовольствия, а она стоит как каменная.

- Вы скажете мне, если после нашей... встречи наступит беременность? - спросил Анри и быстро отвернулся, опустив голову и чувствуя, как щеки покрываются краской. Вот ведь глупость сморозил! Да все герцогство будет знать, если она понесет.

- Посмотри на меня.

Анри повинился. Его щеки и шею все еще заливал густой румянец стыда. Воздух в комнате был пронизан запахом секса и пота, но герцогиня по-прежнему казалась гордой и недосягаемой.

- Да, мальчик, я дам тебе знать, если забеременею, - отстраненно проговорила герцогиня. - Теперь же тебе надо идти. Ты был очень храбр, но тебе не поздоровится, если тебя застанут здесь, тем более со мной. Герцог чрезвычайно ревнив, когда дело касается его собственности.

Ему не хотелось расставаться с ней таким образом, поэтому он упрямо мотнул головой:

- Нет.

Отступив на шаг назад, парень ощутил под босыми ногами упавшие штаны. Он неспешно наклонился, поднял их с пола и натянул на себя. И все это он проделал не сводя глаз с герцогини. Зато она не смотрела на него, ее взгляд был устремлен на висевшую над каминной полкой картину, на которой были изображены три гнедые лошади, мирно пасущиеся на зеленом склоне холма.

Полотно его штанов показалось ему ужасно грубым и плохо выделанным после тончайшей ткани ее изысканной одежды. Глядя на завязки своих штанов, пока подхватывал их узлом, он негромко спросил:

- Ваша светлость, а вы скажете мне, если у нас... ничего не получилось? - и снова посмотрел на герцогиню.

- Ну, этому никто не удивится, - ровным тоном ответила она. - А ты узнаешь сам.

Анри пошарил ладонями на ковре в поисках своей рубахи, нащупал ее и откуда-то из холщовых складок задал робкий вопрос:

- Вы придете в конюшни, ваша светлость?

- Мой супруг не позволяет мне... - начала она, но запнулась. Чуть помедлила, сомневаясь, и добавила: - Да, мальчик, я приду в конюшни.

Голос герцогини был так же ровен и спокоен, как и раньше, однако Анри показалось, что в нем прозвучала какая-то странная безнадежность. Или бесперспективность. Не отдавая себе отчета, он взял женщину за руку, но быстро отпустил, боясь нанести ей оскорбление своим прикосновением. Может, ему удастся уговорить ее? Ну, по крайней мере, попытка не пытка.

- Приходите ночью, ваша светлость, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти вас. Мы могли бы пуститься в путешествие, ведь вы умеете прекрасно скакать верхом. Вы не должны умереть.

Герцогиня скрестила руки на груди. Даже почти полностью обнаженная, она имела поистине королевский вид.

– Мне кажется, что от такой жизни уже нет спасения, – подумав, медленно произнесла она. – Я не смогу выбраться из этой западни.

Прежде Анри никогда не приходило в голову сравнивать герцогский дворец с западней. Неужели она не предпринимала попыток спорить с деспотом мужем? – подумал Анри.

– Знаете, ваша светлость, я опасаюсь, что не смогу... справиться с поставленной вами задачей и... подарить вам ребенка, – заикаясь, промолвил он.

На губах у герцогини появилась улыбка, но вышла она весьма неубедительной.

– Время покажет, Анри, время покажет. А теперь ступай. Сильвия проводит тебя до конюшен, с ней ты будешь в безопасности.

Анри понял, что имела в виду герцогиня, говоря «Время покажет». Она поставила перед собой задачу и твердо решила не отступить от нее. Анри уже доводилось слышать этот тон от своего дядюшки, великого упряма, закончившего жизненный путь, утонув в море и став кормом для акул. А все потому, что он так и не захотел примириться со своим отцом из-за женщины, на которой он так и не женился. Но то отец и сын, а кто такой Анри, чтобы спорить с самой герцогиней! Она призвала его, и он обслужил ее по полной программе, однако она не станет прислушиваться к советам какого-то презренного помощника конюха.

Опустив глаза в пол, Анри быстро поклонился и поспешил к двери. Самое разумное, что он может сделать, – это как можно быстрее выкинуть из головы все, что случилось с ним сегодня во дворце.

Глава 3

Герцогиня Камилла сидела на краю своей огромной кровати; покрывало из голубого бархата и шелка приятно ласкало заднюю часть ее обнаженных бедер, а откинутый полог тяжелого балдахина мягко касался плеч пушистой бахромой, слегка щекоча их. Под присмотром зорких, орлиных глаз Сильвии и опасаясь

острого язычка старшей служанки герцогини, вокруг кровати возбужденно суетилась кучка девушек, чья работа состояла в купании госпожи. Одни подхватывали с пола отбракованные Сильвией полотенца и приносили новые, другие собирали бутылочки с ароматными маслами для ванны, баночки с пахучими кремами и благовониями, бритвы и ремни для правки бритв, порошки для наведения блеска и стеклянные флаконы со всевозможными ароматизированными маслами и бальзамами, которыми Лаура втирала в кожу Камиллы, пока Татъен и Соланж брили ей ноги и зону лобка. Вся эта процедура занимала очень много времени и была чрезвычайно утомительной. Герцогиня Камилла частенько задумывалась над тем, зачем все это надо, если в обнаженном виде ее могли лицезреть лишь девушки-купальщицы, ну и сам герцог. Иногда ей приходило на ум, что процедура ежедневного ухода за телом была придумана только для того, чтобы хоть чем-то занять скучающих дам вроде нее.

Сейчас Камилла радовалась тому, что послушалась конюха и позволила ему увести себя из спальни в гостиную. По ее приказу Сильвия расставила и зажгла в гостиной несколько ароматизированных свеч, чтобы удалить запах греха, и навела там относительный порядок. Даже если глазастые девушки что-нибудь и заметили, то не подавали виду, и лица их ничего, кроме благолепия и усердия, не выражали.

На пару мгновений Камилла прикрыла глаза, наслаждаясь легким покалыванием от подсыхающей на коже воды после ароматной ванны. Ей нужно было осознать то, что с ней сегодня произошло, ведь скоро наступит вечер и супруг призовет ее к себе. Если, конечно, такое случится.

Она очень устала, все ее тело ныло и напоминало о бурном сексе с юным грумом. Чувствуя настроение госпожи, Сильвия прогнала прочь последних замешкавшихся девушек со склянками и полотенцами, а потом вызвала двух крепких лакеев и велела им вынести из спальни ванну. Когда они остались одни, Сильвия склонилась над герцогиней Камиллой.

– Мадам, – обратилась она к своей госпоже гораздо более мягким тоном, чем тот, которым общалась с низшими служанками, – вам необходимо подкрепиться. Пока вы принимали ванну, я принесла вам немного еды – все, что вам нравится. Вон там, видите? Я все приготовила сама.

Камилла посмотрела туда, куда показывала служанка. На боковом столике возле кровати, чуть скрытом за пышным пологом, стоял серебряный поднос с тонко нарезанным острым сыром, свежесдобитым хлебом, горшочками с мягким козьим сыром и меренгами, а рядом красовалось блюдо с дольками сочной груши, красиво уложенными в виде веера.

– Благодарю, Сильвия, – молвила герцогиня, – ты можешь идти.

– Мадам, у вас все в порядке?

Эта женщина была в услужении у Камиллы уже очень давно, и герцогиня отлично понимала, что ее вопрос касался парня с конюшен. Камилла подавила желание осведомиться у верной горничной о том, как та относится к юному груму, и вместо этого спокойно произнесла:

– У меня все хорошо. Ступай, сейчас мне не понадобится твоя помощь, я поем сама.

– Да, мадам. – Сильвия присела в низком реверансе и удалилась.

Вздыхнув, Камилла равнодушно взяла с блюда дольку груши и заставила себя положить ее в рот. Сегодня она должна быть сильной. Ей совсем не хотелось видеться с герцогом. Не сейчас. Однако придется повиноваться его воле, если он пожелает послать за ней. Делать то, что было ей не по душе, являлось частью ее долга, и едва ли не основной частью.

Огромная кипа документов скопилась на столе, инкрустированном деревянной мозаикой, давно уже задвинутом в угол рядом со стеллажами, битком набитыми увесистыми фолиантами, которые достались Камилле по наследству от отца, а тому – от его отца. В последнее время Камилла была целиком поглощена крайней раздражительностью и даже непримиримостью по отношению к ней мужа и поэтому полностью забросила свои обычные занятия: внимательное прочтение и рассмотрение финансовых и судебных отчетов, доставляемых ей ежедневно секретарем лорда Стажьера. Более пяти лет минуло с тех пор, как герцог запретил Камилле посещать слушания дел в суде, но она не могла отказать себе в просматривании материалов в своих личных апартаментах. Когда-то лорд Стажьер был ее наставником и до сих пор пользовался исключительным доверием при королевском дворе. Даже если герцог прознает о

том, какую информацию тот доставлял и продолжает доставлять Камилле, его спасет статус заслуженного государственного деятеля.

Однажды Камилла по собственному почину занялась довольно рискованным делом – анализом официальных исследований и альтернативных судебных решений. Никто, собственно, не заставлял ее посвящать этому свое время, но это была достойная работа, и Камилла была к ней хорошо подготовлена. Однако, после того как Камиллу отстранили от руководства процессами, которые она так тщательно рассматривала, и даже от элементарного права безмолвного присутствия на вынесении приговоров, эта деятельность оказалась абсолютно бесполезной. Ее можно было сравнить с кропотливейшей вышивкой по драгоценной канве, которую никто никогда не увидит. А когда ей запретили, к тому же, посещать своих любимых лошадок, она и вовсе замкнулась в себе. При виде стола с кипой заброшенных бумаг Камилла всякий раз испытывала укол совести. Отказавшись от своих исследований, она сделала именно то, чего и хотел от нее герцог.

Но вместо того чтобы вернуться к делам, она решила забеременеть!

Уйдя в свои мысли, Камилла вспомнила, каким грохотом отразился у нее в ушах тихий хлопок двери, закрывающейся за Сильвией и молодым конюхом. Этот мальчик... Впрочем, нет, одернула она себя, он не просто мальчик, у него есть имя, и зовут его Анри. Именно ему она доверила свое тело, именно его она приняла в свое нутро. Если у них все получится, он станет отцом ребенка, которого она станет носить под сердцем, а ее дитя никак не может быть зачат каким-то безвестным мальчиком-грумом.

Прикрыв глаза, Камилла представила, каково это – родить ребенка, наблюдать, как он растет, говорит первое слово, делает первые шаги. Интересно, это будет мальчик или девочка? Только мальчик спасет ее от неминуемой гибели. Правда, она никогда не сможет поведать ему тайну его рождения. Это будет слишком опасно. Не менее опасно будет даже разрешить Анри видеть малыша, даже иногда, даже крайне редко. А может, Анри этого и не захочет, может, ему будет на него наплевать, кто знает. Камилле как-то рассказывали, что люди низшего сословия совсем не заботятся о своих отпрысках, поскольку рожают их едва ли не ежегодно и слишком многие из них умирают. Камилла не задавала лишних вопросов: никакой крестьянин никогда не скажет правду своей герцогине. Но Сильвия, возможно, все узнает, она такая находчивая и предприимчивая. А может, ответ даст матушка Аннет.

Когда истек первый год ее брака с Мишелем, Камилла призвала к себе городскую повитуху и велела ей тщательно обследовать себя, потому что не особо доверяла мужчине-целителю. Повитуха не нашла в ней абсолютно никаких физических изъянов – по крайней мере, так сказала ей женщина, и еще пообещала, что Камилла забеременеет в самое ближайшее время. Еще через два года Камилла, устав ждать и впав в уныние, решила позвать другую повитуху, и тогда на первый план выступила Сильвия, которая и нашла матушку Аннет. В первый раз Сильвия провела Аннет во дворец под видом мальчика-пажа, воспользовавшись ее короткой стрижкой. Аннет скрупулезно исследовала Камиллу сначала внешне, а затем и внутренне и в свойственной ей бесстрастной манере осведомила герцогиню, что та не страдает никакими заболеваниями, препятствующими деторождению, и подняла на смех нелепейшее предположение герцога о том, что езда верхом может помешать его супруге забеременеть.

– Всему виной сперма вашего мужа, – заявила матушка Аннет, усмехаясь, – уж чересчур часто он использует ее впустую.

Ее презрение по отношению к Мишелю было настолько очевидно, что Камилла даже порадовалась тому, что герцог не стал искать удовлетворения своей похоти в городском борделе. Услышь Мишель хоть краем уха слова Аннет, он бы, не раздумывая, подверг ее самой жестокой казни.

Камилла верила всему, что говорила ей Аннет, но до сегодняшнего дня не решалась последовать ее совету и найти подходящего отца для своего будущего ребенка.

А вот теперь она пожалела, что не сделала это раньше, – слишком много времени потеряно в ожидании невозможного. Какая ирония судьбы! Ведь ее собственная мать родила спустя десять месяцев после свадьбы, вот только почти совсем не уделяла времени крохотной Камилле, оставив ее на попечение кормилицы, и лишь на торжественных церемониях являла двору малышку, раздетую в шелка и бархат.

Камилла не имела ни малейшего представления о том, будет ли она способна любить свое дитя. Если у нее не проснется материнское чувство, это будет жестоко, тем более если ребенок узнает тайну собственного рождения и поймет, что своим зачатием и появлением на свет он спас жизнь матери. Нет, она

полюбит этого малыша, по крайней мере, постарается полюбить. Она не станет проводить время в праздных развлечениях и не бросит свое дитя на кормилиц, няnek и домашних репетиторов.

Впрочем, к чему ей беспокоиться заранее, ведь беременной она себя пока совсем не чувствует. Интересно, когда у нее не останется сомнений? Почему-то Камилла абсолютно не сомневалась, что она все поймет еще до того, как пропадут месячные и начнутся непереносимые утренние недомогания, а затем и внешние изменения в фигуре. Улыбнувшись, Камилла погрузилась в размышления, пытаясь представить, как будет выглядеть ее малыш, но перед ее внутренним взором возникала лишь крохотная копия Анри, с пышными каштановыми волосами, спадающими на лоб, очаровательным, чуть вздернутым носиком, огромными синими глазницами в обрамлении длинных и густых, как летняя нескошенная трава, ресниц и пухленькой нижней губой. А если она не забеременела, если все прошло впустую... Нет, сейчас не нужно думать об этом, все покажет только время. Мысли о провале задуманного плана столь же опасны, как и о будущем, если план удастся. До сих пор ей удавалось выживать лишь потому, что она привыкла жить сегодняшним днем, вот так и нужно продолжать.

Камилла села удобнее на своей огромной кровати, скрестила ноги и положила в рот еще одну дольку сочной груши. Проглотив ее, взяла кусочек сыра, чувствуя, как болезненно напрягаются мышцы бедер, натруженные во время любовных утех с юным грумом. Глубоко внутри приятно покалывало. Уже слишком много времени прошло с тех пор, как она последний раз занималась сексом. У нее даже сложилось впечатление, что герцогу, в принципе, безразлично, забеременеет она или нет. Куда больше его бы устроила молоденькая и податливая дамочка, без особых выкрутасов, вот она пришлась бы ему по вкусу. И так было с самого первого дня после их свадьбы, состоявшейся более двадцати лет назад. В его представлении идеал подходящей ему герцогини – это юная особа, не умеющая разговаривать и улыбаться. Конечно, ведь он даже не заметит ее улыбок, если она вовремя будет раздвигать ноги. А вовремя – это значит по первому его требованию.

Как это несправедливо – лишиться жизни только потому, что ты не стала послушной игрушкой в руках мужчины. Камилла легко могла бы переступить через свою гордость и смириться, если бы Мишель пренебрег ею и предпочел какую-нибудь любовницу, пусть даже это случится публично. Сила и справедливость на стороне Камиллы, только она является законной

наследницей трона по крови. Подданные герцогства будут на ее стороне, а Мишеля осудят. Вот именно этого, судя по всему, и боится герцог больше всего – и в случае, если он будет по-прежнему игнорировать Камиллу, и если она при этом останется в живых. Народ герцогства терпит Мишеля только потому, что его короновал отец Камиллы. А что случится, если она отречется от него, даст ему развод в одностороннем порядке? Конечно, она не сможет сделать это, сидя взаперти здесь, в своих покоях. Во дворце ему не составит никакого труда найти ее, велеть привести к себе и навсегда закрыть ей рот, перерезав горло. Она уже предприняла попытку убедить его укрепить свои позиции меньшей кровью.

Приподняв тяжелые волосы, Камилла откинулась на голубые шелковые подушки, задумчиво разглядывая позолоченные шнуры, поддерживающие полог, которые вполне могли символизировать путы, сковывающие ее по рукам и ногам в этой золотой клетке. Правильно ли она поступила, не позволив Анри заняться с ней любовью именно здесь, в этой роскошной опочивальне? Но она прекрасно видела: парень настолько подавлен окружающей роскошью и страшится предстоящей миссии, что с этой миссией он может и не справиться. Поэтому она сделала так, как он попросил. Ей ничего не стоило пойти на столь малую уступку. В конце концов, он должен был сделать ей гораздо большее одолжение. А то, что она сама пережила момент страха, опасаясь, что Анри откажется овладеть ею, а она не сможет его убедить, Камилла постаралась забыть. Теперь, слава богу, уже все позади.

Анри превзошел ее самые дерзкие ожидания. Камилла не могла не восхититься этим красивым юношей. Только подумать, с какой напористостью, мощью и энергичностью он подошел к выполнению поставленной перед ним совсем непростой задачи! То, что он возьмет ее сзади, стало для Камиллы полной неожиданностью. Ей доставлял удовольствие человек, видеть которого она не могла. Поглощенная невероятными и не изведенными ранее ощущениями, на которые она даже не рассчитывала, Камилла на какое-то время забыла обо всем на свете, купаясь в чувственном наслаждении.

Будь Анри герцогом, Камилла глаз бы с него не спускала, ревновала к каждой проходящей мимо женщине, каждую секунду находилась бы в напряжении. Да и в сегодняшней ситуации ни за что не подпустила бы его к себе сзади, желая видеть, как горят страстью красивые глаза, как прикрываются время от времени пушистыми ресницами. Но случилось то, что случилось, и Камилла была поражена тем, с какой податливостью отвечало ее тело на любое движение невидимого партнера. Может, этому способствовало сознание того, что она в

любой момент могла приказать ему остановиться и покинуть дворец?

Угрозы жестокого супруга никогда не покидали ее рассудка, но в минуты, проведенные с Анри, Камилла позволила себе расслабиться и получить то, чего ей так не хватало. Интересно, какой опасности она подвергнет себя, если снова призовет его во дворец? – мелькнула у нее шальная мысль. Ведь существует вероятность, что с первого раза у нее не получится забеременеть. Если сегодняшняя попытка не приведет к желаемому результату, не оставит ли она надежду добиться своего и будет ли способна найти другого кандидата на роль самца-производителя?

Скоро Камиллу отведут к герцогу. На карту будет поставлено не только его удовольствие, но и ее жизнь.

А сейчас у нее еще есть время, провести которое она может с пользой для себя.

Камилла медленно подняла руку, положила ладонь на грудь, затем стала опускать ее вниз, к животу, слегка придавливая кожу ногтем и одновременно раздвигая ноги. Когда ладонь достигла влагалища, Камилла глубоко вздохнула и прикрыла глаза, ощутив, как глубоко внутри вновь поднимается волна возбуждения. Палец проник внутрь, а ладонь стала тереться о заветный бугорок, стимулируя и возбуждая его. Движения Камиллы становились все энергичнее и энергичнее, и на мгновение она даже удивилась, откуда у нее взялись силы после всего, что произошло накануне. С каждой секундой ее возбуждение росло и распространялось по всему телу, словно озаряя его изнутри золотым свечением. В голове возникло видение: она скачет верхом на своей гнедой кобыле Гирлянде, огибая извилистый залив возле восточных границ герцогства. Полуденное солнце красиво подсвечивает склоны холмов. Грум и стражники остались далеко позади, и она может насладиться одиночеством и покоем.

Стоило ей только мысленно представить эту картину, как тут же наступила кульминация. Тело содрогнулось в приятных конвульсиях, омытое теплой волной наслаждения и тихого восторга. Когда сердцебиение и дыхание пришли в норму, Камилла скользнула под шелковое покрывало, свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку, и погрузилась в глубокий, спокойный сон.

* * *

– Ваша светлость.

Мужской голос разбудил Камиллу. Вздрогнув, она открыла глаза и увидела перед собой Вильмоса, личного слугу и камердинера герцога. Вильмос был в своей обычной голубой, расшитой золотом ливрее, в руке он держал одну из домашних шелковых мантий Камиллы. Длинные тусклые волосы падали ему на крепкую шею, выражение резко очерченного лица было бесстрастно, и это придавало ему несколько глуповатый вид, хотя Камилла знала, что он хитрый, лукавый человек и, пожалуй, один из самых смысленных слуг во дворце, намного превосходящий умом своего хозяина. Глаза его были почти всегда полуприкрыты тяжелыми веками, так что прочесть их выражение было практически невозможно. Камилла никогда не могла догадаться, о чем думает этот человек и насколько далеко распространяется его преданность герцогу. Надо полагать, Мишель доверял ему и не ждал от него подвоха, иначе не подпускал бы и близко к своей опочивальне, где тот бывал достаточно часто. На месте герцога Камилла относилась бы к Вильмосу с большей настороженностью.

Кашлянув, чтобы прочистить горло, Камилла быстро спросила, демонстрируя свою готовность к посещению мужа:

– Где находится его светлость?

– Он ждет вас внизу, – провозгласил Вильмос. – Мне велено доставить к нему вас и ваших охранников.

Стало быть, Мишель вызывает ее к себе, как свою очередную любовницу. Опять, в который уже раз. А миссию сопровождать ее он поручил именно суровому Вильмосу, а не обычной служанке, чтобы не дать ей ни малейшего шанса отказаться.

– Хорошо, я готова, – сказала Камилла.

Вильмос подал герцогине ожерелье и серьги, подождал, пока она наденет украшения, и с бесстрастным видом закутал в красную шелковую мантию. Затем опустился на колени, помог ей сунуть ноги в вышитые богатым узором легкие туфельки на тонкой подошве и повел к выходу из опочивальни. Камилле оставалось лишь тихо радоваться тому, что ее не потащили на половину герцога

обнаженной, как уже случилось неоднократно. Она даже предположила, что герцог и сегодня приказал камердинеру привести ее голой и босой, но Вильмос по собственному почину выбрал для нее одежду и обувь. Она задалась вопросом, какие отношения связывают Вильмоса и ее супруга. И если он действительно проявил собственную инициативу, то что это может значить лично для нее? Уж не перешел ли Вильмос на ее сторону? И если так оно и есть, то какие преимущества в ее положении это может принести лично ей?

Камилла искоса взглянула на Вильмоса, но тот был полностью погружен в свои мысли. Камилла с детства привыкла к дворцовой игре в конспирацию, однако Вильмос, казалось, и не думал притворяться. Значит, она снова ошиблась и принялась строить воздушные замки. Из элементарного проявления человечности вовсе не следует, что Вильмос готов пойти на предательство своего хозяина. Возможно, ему просто стало ее жаль, вот и все.

Каспар и Арно поджидали Камиллу в коридоре. Хотя их физическое развитие уступало Вильмосу из-за кастрации в юном возрасте, они были одного с ним роста, и Камилла сразу же почувствовала себя не такой беззащитной и уязвимой.

С высоко поднятой головой Камилла прошествовала вслед за Вильмосом по роскошно убранным коридорам, не обращая внимания на случайно попадающихся на глаза служанок, лакеев или придворных. Хотела она пройти и мимо ниши, в которой пристроилась совокупающаяся парочка – царедворец и горничная, но подозрительные звуки, издаваемые увлекшимися любовниками, заставили Вильмоса резко притормозить. Камилла инстинктивно отступила назад, за спину Каспара, а Вильмос поднял мясистую руку, схватил горничную за предплечье и буквально сдернул с оцепеневшего партнера.

– Слушайте, вы, – обратился Вильмос к этому землевладельцу, имя которого Камилла даже не потрудилась вспомнить, – вам лучше исчезнуть.

Подхватив обеими руками спущенные штаны, землевладелец попятился, не сводя глаз с сурового дворецкого, и вскоре скрылся за поворотом, откуда тут же слышались его убегающие шаги. Вильмос взял горничную одной рукой за плечо, а другой одернул на ней серое платье и медленно провел ладонью по крутому бедру.

– Марьяна, эдак ты опоздаешь на важное свидание, тебя уже наверняка ждут, – сказал он с упреком и потащил ее вперед.

Остальные последовали за ними. Ах вот оно что, это одна из любовниц герцога, догадалась Камилла. Хрупкая Марьяна едва доставала макушкой до локтя Вильмоса и была тоненькая, как тростинка, зато обладала пышной грудью. Из-под скромного серого чепца беспорядочно выбивались рыжие кудри, на шее отчетливо виднелось алое пятно свежего засоса.

Камилла надеялась, что девушка не узнала ее. Да и как ее было узнать без парадной мантии и обычной косметики, к тому же Каспар и Арно загоразивали свою госпожу мощными торсами. Но почему Камиллу должна волновать такая ерунда? Разве мало ее позорил собственный муж! Пожалуй, весь двор был в курсе пагубных наклонностей герцога. Придворные, казалось, оставались лояльными ему, даже несмотря на то, как он обращался с герцогиней. Возможно, так им всем было проще. Если сама Камилла не противилась его воле, почему бы им проявлять неудовольствие? Да и наверняка они не знали всех унижений, которым она подвергалась. Если они достаточно мудры, то предпочтут счесть за досужие сплетни две трети того, о чем шепчутся во дворце, решила Камилла.

Вильмос отодвинул какую-то панель на стене, и за ней показалась неприметная дверь. Войдя в нее, они стали спускаться вниз по узкой лестнице, освещенной лампами с мускусным маслом. Камилла непроизвольно поморщилась, но быстро взяла себя в руки. Очевидно, герцог приготовил для нее сегодня очередной сценарий какого-нибудь бредового спектакля, а ее заставит быть немым зрителем. Камилла тяжело вздохнула. Уж очень ей не хотелось всю оставшуюся ночь смотреть на его бледные ягодицы, раскачивающиеся над податливой девицей в диковинном наряде. К сожалению, выбора у нее не было. Камилла постаралась вспомнить, во что была одета его последняя пассия, кого она изображала – веселую селянку в белом чепце или лакея в женской ливрее? Ах нет, в прошлый раз девиц было две, на одной был длинный передник кузнеца, надетый прямо на голое тело, а вторая постоянно махала в воздухе руками, подражая кузнецу, раздувающему меха. Камилла, наблюдавшая за ними, сочла это действие скорее нелепым и смешным, чем эротичным.

Деревянные ступени, покрытые ковровой дорожкой, незаметно сменились известковыми плитами. Камилла никогда прежде не бывала в этой скрытой галерее, в подвальных помещениях дворца ходили только слуги и узники, обреченные на смерть. Узники... Надо полагать, Камиллу поведут именно этой

лестницей на смертную казнь. От этой мысли дрожь пробежала по ее телу. Чтобы не выдать своего страха, она уставилась на широкие плечи Каспара, спускавшегося впереди нее.

Из задумчивости Камиллу вывел клацающий звук. Очнувшись, она посмотрела вниз и увидела, как Вильмос вытаскивает из складок одежды связку ключей и открывает красную дверь на самой нижней лестничной площадке. По всей видимости, эта дверь ведет в холодильные камеры, где хранятся запасы сыра, предположила Камилла и принялась лихорадочно соображать, какая дикая эротичная выходка с ее любимым тарт-блю может прийти в голову ее ненормальному муженьку.

Камилла вошла в камеру, верные охранники быстро заняли позицию за ее спиной. Пока она оглядывалась, Вильмос уже успел подвести Марьяну, вернее, подтащить, поскольку двигался слишком быстро, к герцогу. Тот сначала приподнял указательным пальцем подбородок девушки, а затем повелительным жестом махнул рукой в сторону заваленного мехами стола. Кивнув, Вильмос легко, словно невесомую пушинку, подхватил горничную за талию и уложил на стол. Марьяна не оказывала никакого сопротивления, лежала спокойно, пока Вильмос снимал с нее чепец, освобождая рыжие кудри, и сама, заведя руку за спину, начала расстегивать пуговицы на сером платье.

Герцог приблизился к Камилле, протянул к ней наманикюренный палец и, согнув его крючком, поддел ворот ее мантии, украшенной драгоценностями. Камилла не отпрянула, постаралась сидеть ровно, поскольку в ее планы не входило быть задушенной таким нелепым способом.

– Сегодня ты получила удовольствие, – грубым голосом пролаял герцог. – Мне это известно. От меня ничего не скроешь.

Наверняка он, безусловно, ничего не знал, в противном случае действовал бы более решительно и оперативно. Просто ляпнул наобум, чтобы посмотреть на реакцию.

– Вы содержите целую армию любовниц, ваша светлость, а мне совсем не уделяете внимания, на которое имеет право законная супруга, – с достоинством произнесла Камилла в ответ. – Так почему же вы укоряете меня и отказываете мне в получении удовольствия?

– Женщины были созданы исключительно для того, чтобы ублажать мужчин, – с сознанием дела заявил герцог, проигнорировав вопрос жены. Его толстые губы над седоватой бородкой скривились в подобии улыбки, но холодные голубые глаза не изменили своего выражения. – Уже так давно меня не ублажала именно ты, моя супруга. – Он оглядел ее с ног до головы и фыркнул: – Какая жалость, что ты успела одеться, прежде чем Вильмос привел тебя ко мне. А вот любопытно, не хотелось бы тебе снова прошествовать по дворцу голышом, выставив напоказ свои прелести? Или боишься, что тебя увидит в таком пикантном виде твой любовничек, а?

Не вытаскивая палец из-под ворота Камиллы, герцог подошел еще ближе. Его длинная мантия тяжелого бархата, подбитая по подолу черным мехом, прошелестела по тонким туфелькам Камиллы, и она вздрогнула от неприятного ощущения.

– Ты назовешь мне его имя, милочка, – проскрипел герцог. – Я сумею заставить тебя трепетать от страха.

А Камилла уже и без того внутренне сжималась от ужаса: в его руках была ее жизнь. Но он, казалось, ничего не замечал. Ему хотелось лишь одного – раз за разом заново унижать Камиллу, ломать ее волю; так жестокий мальчишка, движимый странным любопытством, методично отрывает крылышки у пойманной мухи, а затем ловит следующую и делает с ней то же самое.

– Я припру тебя к стенке, Камилла, и ты скажешь мне его имя.

– Да, ваша светлость, – тихо проговорила Камилла, ненавидя себя за то, что ему все-таки удалось запугать ее, но его ненавидя еще больше.

Левая рука герцога грубовато прошлась вверх-вниз по нежной щеке Камиллы, при этом он постарался сделать так, чтобы перстни с большими камнями, нанизанные на его пальцы, вошли в тесный контакт с ее кожей. Оправленные драгоценные камни отразили упавший на них свет и засияли сердито и отрешенно – рубины, топазы, аметисты, изумруды. Скрепленные между собой квадратные золотые пластины с густыми вкраплениями необработанного турмалина обвивали запястья герцога.

Камилла уставилась на украшения мужа, которые он просто обожал, поскольку предпочитала их зрелище зловеще ухмыляющемуся лицу сластолюбца и извращенца. Герцог находился так близко, что она явственно различала пряный запах гвоздики, которую он обычно любил жевать, а умащенная ароматическим маслом борода почти касалась ее лица.

Несколько долгих минут прошло в молчании. Наконец герцог вытащил палец из-под ворота Камиллы, и она внутренне вздохнула с облегчением. Однако на этом ее муки не закончились. Муж не опустил руку, а провел тем же самым пальцем вниз по шее и внезапно очень больно сжал ладонью ее грудь и принялся щекотать сосок прямо через шелк мантии. Камилла застыла в ожидании и крепко зажмурила глаза. Неужели именно сегодня он изберет ее предметом своей похоти? Это был бы самый лучший вариант, ведь если ей удалось забеременеть от юного грума, то муж должен хотя бы один раз совокупиться с ней. Вот только сможет ли она достойно справиться с этой ролью? Впрочем, она неплохо подготовила себя, поджидая Вильмоса, поэтому не сомневалась, что у нее все получится. Ради достижения цели можно и пострадать в объятиях ненавистного мужа.

Герцог продолжал свои манипуляции, и Камилла почувствовала, как сосок начинает реагировать и затвердевать. К горлу подкатила тошнота, и Камилла сглотнула. Ничего, она перетерпит. Всего один раз, и только, неужели это так много? Она сделает все, что угодно, лишь бы только никогда в жизни не видеть больше его мерзкий член.

Рука герцога по-прежнему обжимала ее грудь, и Камилла, снова открыв глаза, опустила их на его толстые пальцы, терзающие ткань. Другой рукой он внезапно схватил жену за плечо и придавил вниз, заставив ее опуститься на колени, а потом, злорадно хихикнув, спросил:

– Ну что, милочка, ты уже научилась правильно отсасывать? Надеюсь, натренировалась на петушке своего любовника? Вот сейчас мы, пожалуй, это проверим. Говорят, небольшая нехватка дыхания действует возбуждающе, а? Вильмос, придержи-ка ее, пусть усвоит наконец, как надо действовать так, чтобы сделать мне приятное.

Как ни старалась Камилла держаться бесстрастно, ее все же передернуло, с губ сорвался сдавленный всхлип.

Герцог отшвырнул ее от себя и, когда она распласталась перед ним на холодном полу, занес сапог над ее тонкими пальцами, словно прикидывая, как бы половчее размозжить ей кости, потом изогнул одну бровь, словно раздумывая, стоит ли тратить на нее свои силы, и отпихнул Камиллу носком сапога.

– Ты уже не такая забавная, какой была раньше, – покачал он головой, а затем проговорил куда-то в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь: – Для ее светлости приготовлен трон. Отвести ее туда и подстраховать, чтобы не сбежала, если ей вздумается проявить строптивость.

Приготовлен трон. Значит, снова спектакль, поняла Камилла, а ей в который уже раз предназначена роль зрителя. Арно бросился к герцогине, помог ей встать, потом подвел к причудливой формы креслу с аляповатыми узорами по дереву и, бросив на госпожу извиняющийся взгляд, прикрепил ее запястья к изогнутым подлокотникам кожаными ремнями, обшитыми мехом. Проделав все это, он тяжело вздохнул и уселся у ног Камиллы, как верный пес, почти касаясь бритой головой ее колен. Каспар занял место у нее за спиной, будто желая защитить, но Камилла хорошо знала, что не может надеяться на деятельное содействие своих охранников – лишь на молчаливую моральную поддержку. И действительно, ей стало немного комфортнее, когда она почувствовала на затылке теплое дыхание Каспара.

Со своего импровизированного трона Камилла могла видеть все пространство помещения подвальной камеры, пол которой был устлан роскошным красным шелком, а на стенах висели эротические гобелены, ранее, как вспомнила Камилла, украшавшие опочивальню похотливого герцога. На гобеленах, естественно, были запечатлены всевозможные сцены плотских утех. У Камиллы они вызвали чувство глубокого омерзения, поскольку ей казалось, что на всех гобеленах женщин, судя по выражению лица, брали силой. Большая чаша и кувшин стояли на одном столе черного дерева, на другом она заметила кубок с вином и высокие бокалы. На почетном месте в этом подвале возвышался заваленный шкурами стол, на котором раскинулась обнаженная Марьяна, чьи бедра и зад опирались на пухлые подушки и поэтому возвышались над остальным телом. Возле девицы лежала кipa свежесрезанных роз на колючих длинных стеблях. Стало быть, костюмированных представлений сегодня не ожидается, мысленно отметила Камилла, ну только если кому-нибудь не придет в голову украсить себя цветами, но это было бы слишком опасно из-за выступающих острых шипов.

Герцог медленно расстегнул свой широкий, щедро усыпанный драгоценными камнями пояс, снял его и повесил через плечо так, чтобы пряжка виднелась спереди. Не поддерживаемая ничем мантия распахнулась, являя взору бледное обнаженное тело герцога. Камилла с отстраненным любопытством наблюдала за изменениями в его фигуре. За последнее время он сильно располнел в талии, грудь стала впалой, зато широко расставленные ноги все еще были мощными. Член уже достаточно набух, и герцог, опустив руку, принялся поглаживать его, направляясь к креслу – почти такому же, как у Камиллы, но только более богато украшенному и удобному.

Камилла посмотрела на Марьяну, затем перевела взгляд на герцога, недоумевая, что же он намерен теперь делать. То, что ее он не собирается оставить в покое, не вызывало сомнений, поэтому она выпрямилась в своем кресле, готовясь к худшему.

– Вильмос! – громко произнес герцог.

Камилла тут же взглянула на молчаливого камердинера, который до сих пор оставался в тени своего господина. Отвесив поклон, Вильмос повернулся лицом к ней. Помимо обычной голубой ливреи на нем были штаны до колен, чулки и плоские башмаки. Он расстегнул пуговицы на ливрее и раздвинул полы нижней рубахи, обнажив могучую грудь. Волосы, покрывающие ее, были чуть темнее, чем те, что на голове, но ненамного, и тоже очень густые. Постояв так, он развязал подвязки на штанах и достал свой член, внушительный размер которого настолько изумил Камиллу, что она внутренне ахнула. Даже сейчас, еще не полностью возбужденный, он был такой же толщины, как и ее запястье.

– Некоторое время ее светлость будет обслуживать тебя, – заявил герцог, гаденько ухмыляясь и облизывая толстые губы. – Пусть ее рот займется чем-то более полезным, чем говорить оскорбительно высокомерные слова в мой адрес.

Не наклоняясь, Вильмос один за другим стащил башмаки, переступил через упавшие штаны и в одних чулках направился к герцогине, правой рукой поддерживая свое мужское достоинство. В нескольких шагах от Камиллы Вильмос остановился. Арно поднял голову и хмуро посмотрел на него.

– Спокойно, Арно, отойди, – тихо произнесла Камилла, понимая, что не следует злить герцога.

Послушный своей хозяйке, Арно быстро встал, не выпуская из виду Вильмоса. Камилла услышала, как выдохнул сквозь зубы стоявший за креслом Каспар. Арно отошел в сторону и положил руку ей на плечо – неслыханная вольность, но Камилла не была против его немой поддержки.

Подойдя к Камилле, Вильмос раздвинул ей ноги коленями и встал между ее бедрами, выставив вперед свой член. Лицо его выражало крайнее стеснение, ему явно было не по себе. По-видимому, он обладал гораздо меньшей выдержкой, чем она. Камилла же оставалась абсолютно спокойной, она не намеревалась показывать герцогу свои истинные чувства.

Вильмос был так высок, что Камилле даже не пришлось нагибаться. К счастью, Вильмос не так давно помылся, кожа его была чистой, и от нее исходил запах ромашкового мыла. Он что, заранее знал, что произойдет сегодня? Если это так, то Камилла была благодарна ему за предусмотрительность и внимание.

При других обстоятельствах Камилла была бы рада войти в близкий контакт с таким огромным членом, но только не в присутствии герцога, буквально пожирающего ее глазами. Она открыла рот и приняла член, сначала облизала головку языком, а потом принялась сосать, все время ускоряя темп, чтобы Вильмос поскорее достиг пика, а ненавистный герцог получил поменьше удовольствия от этого зрелища. Стержень Вильмоса заметно окреп и даже стал толще, если такое вообще было возможно. На секунду Камилла оторвалась от него, но он схватил ее сзади за затылок и нетерпеливо прижал к своему паху, и тогда она снова взялась за свое дело. Вильмос и сам стал производить поступательные движения, вытягивая член из ее рта, замирая на мгновение и снова входя в ее рот. Камилла слышала его тяжелое учащенное дыхание, и в тот момент, когда у нее уже начала болеть челюсть, он вдруг высвободился, сделал шаг назад и опустил руки.

Герцог поднял палец с тяжелым перстнем:

– Теперь ты развлечешь меня совокуплением с горничной.

Вильмос немедленно отошел.

Камиллу рассмешил безразличный тон мужа, и она едва не прыснула. Взглянув на него, она увидела, что его член упирается в живот, а головка влажно блестит.

Что так возбудило восседающего в кресле Мишеля – ее покорность или безоговорочное выполнение Вильмосом его приказаний?

Смотреть на мужа ей было неинтересно. Решив игнорировать его присутствие в этом подвале, она повернулась к Вильмосу и Марьяне.

Вильмос просунул ладони под раздвинутые бедра девушки и завел ее ноги себе за спину. Девица призывно улыбнулась и прогнула спину в предвосхищении, как танцовщица перед выходом на сцену. Мощные ягодицы Вильмоса начали ритмично сокращаться, когда он направил свой член во влагалище Марьяны, но в миллиметре от него остановился. Впечатляющее зрелище, подумала Камилла, наблюдая за камердинером со спины. Не получив того, что ожидала, Марьяна всхлипнула и потянулась руками, которые раньше провокационно закинула за голову, к Вильмосу, стараясь прижать его к себе.

Камилла задалась вопросом, будет ли в данной ситуации уместен ее совет и разрешит ли ей герцог вообще подать голос. Если бы Мишель позволил, она подсказала бы Марьяне, что для получения большего удовольствия ей стоило перевернуться на живот, ведь сегодня днем она получила достаточно осязаемое подтверждение этому. Впрочем, у нее появились подозрения, что неспешное поведение Вильмоса тоже является частью задуманного мужем представления. Ей снова захотелось смеяться. Интересно, что там еще замыслил Мишель, куда заведет его извращенное воображение? Может, здесь появятся бродячие актеры или повара принесут сюда различные яства, а потом все начнут дружно совокупляться между собой?

Вильмос перестал наконец мучить Марьяну и вошел в нее, обеими руками еще шире раздвинув ее бедра, а потом стал ритмично двигаться. Перед каждым новым ударом он на мгновение замирал и снова возобновлял толчки, все глубже погружаясь в женскую плоть. Дыхание Марьяны стало глубоким, со всхлипами, она вскинула ноги вверх, и теперь ее ступни беспорядочно двигались в воздухе. Не переставая равномерно двигаться, Вильмос принялся тереть большим пальцем самое чувственное ее местечко.

Приоткрыв рот, Камилла смотрела на действие, происходящее в центре подвальной камеры. Вильмос двигался без отдыха, нанося безжалостные удары; его можно было сравнить с кузнецом, безостановочно колотящим молотом по наковальне. Марьяна вдруг издала на удивление громкий и низкий крик, который вряд ли можно было ожидать от столь хрупкой девицы.

Непроизвольный звук, вырвавшийся у нее из груди, странным образом возбуждающе подействовал на Камиллу, почему-то напомнив ей о собственных ощущениях, которые она испытала сегодня днем с Анри. Внутри у Камиллы все стало горячо, а Вильмос тем временем ускорил свои движения и наконец нанес Марьяне, пожалуй, самый глубокий удар, после которого ждать конца осталось уже недолго. Подталкиваемая его мощным телом, Марьяна елозила по шкурам, теребя пальцами свои соски; стоны и крики ее становились все громче и громче. Вильмос хранил молчание, но работу свою не прекращал и сжимал живот и раскрытые бедра Марьяны так, что на коже оставались красные пятна.

Сохраняя на лице спокойное выражение, Камилла дышала глубоко и ровно, хотя тело ее горело и внутри все сжималось и пульсировало. Рука Арно дрогнула на ее плече, и Камилла с удивлением посмотрела на него. Она уже успела забыть о том, что он стоял рядом с ее креслом. Арно улыбнулся ей, что нечасто случалось с ее молчаливыми охранниками.

– Поторопись! – раздался властный приказ герцога, и Камилла неприязненно поморщилась.

Вильмос удвоил свои усилия. Наконец Марьяна пронзительно вскрикнула и обмякла на шкурах, принимая последние удары Вильмоса. Теперь на ее лице появилась довольная улыбка, и, лежа на столе, она чувственно поводила плечами.

Камилле оставалось только позавидовать служанке: она-то облегчения так и не получила. Каждая косточка у нее в ногах и руках гудела, каждая клеточка тела изнывала от желания, ладони покалывало. Она попыталась сосредоточить внимание на руке Арно, лежащей на ее плече, и это привело к желаемому эффекту. Постепенно успокаиваясь, Камилла откинулась на спинку кресла. Лицо ее было спокойно. Ей вовсе не хотелось, чтобы герцог прочитал на нем мольбу, как это случалось раньше. Нет, больше такого не будет. Никогда.

Она услышала скрип дерева и поняла, что это герцог поднялся со своего кресла.

– Моя мантия, – скомандовал он, обращаясь к Вильмосу.

Вильмос быстро направился к нему. Его движения были поразительно легки для такого крупного человека, походка была исполнена достоинства, удивительного

для мужчины с болтающимся членом. Подойдя к герцогу, Вильмос снял с его плеч мантию, аккуратно свернул и перекинул через спинку кресла. Герцог пошел к столу, на котором развалилась Марьяна. На лице его заиграла плотоядная улыбка, словно он предвкушал получить наслаждение от какого-нибудь изысканного блюда. Марьяна тоже заулыбалась. Изящным движением она подняла ноги и положила их ему на плечи.

Однако герцог, похоже, остался недоволен.

– Что это еще за манерничанье, милочка? Тут тебе не театральные подмостки! – фыркнул он. Затем грубо подхватил горничную под ягодицы, локтями раздвинул ей ляжки и подтащил ее прямо к своему паху. – Вильмос, сюда! Мне потребуются твои услуги.

Камилле почудилось, что на лице камердинера промелькнуло раздражение, однако оно быстро приняло прежнее бесстрастное выражение. Отвесив почтительный поклон, Вильмос приблизился к своему голому повелителю, а тот уже вонзил свое орудие в Марьяну, чья улыбка стала – и в этом уже Камилла нисколько не сомневалась – недвусмысленно наигранной. Вильмос с силой потер ладонью о ладонь и даже сунул руки под мышки, разогревая их, и лишь после этого положил ладони на качающиеся ягодицы герцога.

Замерев на своем кресле, Камилла изумленно распахнула глаза. Ей уже доводилось наблюдать, как Мишель совокупляется с двумя, а иногда и тремя любовницами одновременно – такое времяпрепровождение он любил больше всего, – но того, что разворачивалось перед ней, она еще никогда в жизни не видела.

Как бы то ни было, она отметила, что эрекция у Вильмоса полностью отсутствовала.

Ей вовсе не хотелось смотреть на супруга, таким странным образом предающегося разврату. А что, если отвернуться? – подумала Камилла. Ведь горящие глаза Мишеля устремлены на подпрыгивающие груди Марьяны, поэтому он наверняка не заметит, что Камилла, ради которой, собственно, и разыгрывается вся эта безумная сцена, игнорирует его. Однако любопытство взяло в ней верх над брезгливостью, и она стала наблюдать за Вильмосом. Когда герцог остановился и властным голосом выкрикнул его имя, Вильмос наклонился

и приблизил лицо к тому месту, где только что находились его ладони. А потом, к великому изумлению Камиллы, раздвинул ягодицы герцога и стал вылизывать открывшийся анус. В какой-то момент Камилле даже показалось, что он проник туда языком, но ей не было это четко видно.

– Довольно! – остановил Вильмоса герцог и возобновил свое совокупление с Марьяной.

Вильмос с невозмутимым видом выпрямился и снова водрузил ладони хозяину на зад. А когда герцог остановился во второй раз и назвал его имя, засунул ему в задний проход два пальца. Рука его ритмично задвигалась, имитируя половой акт.

Герцог опять принялся за распластанную на столе Марьяну, а Вильмос так и не вытащил пальцы, подражая движениям полового члена. И уже через пару секунд герцог испустил такой свирепый вопль, какого Камилле еще никогда не доводилось слышать ни от одного живого существа. Лицо его стало бордовым, пот капал даже с кончиков волос, но это еще был не конец.

Пик настал очень быстро. Хотя бы в этом Мишель не изменился, мрачно констатировала Камилла. Впрочем, то, что проделал с ним Вильмос, впечатлило ее. Прежде она ничего подобного не видела, и, если бы на месте ее муженька был кто-нибудь другой, Камилла нашла бы эту сцену возбуждающей. То, что в мужчину входят так, словно он женщина, а удовольствие ему доставляют руки другого мужчины, вполне способно вызвать эротическое желание у наблюдающего. Увиденное оказало на нее воздействие, какого вовсе не ожидал герцог, задумывая представление для своей жены. Камилла даже забыла о грозящей ей опасности и о том, что надо выпутываться из серьезного положения, в котором она может в скором времени оказаться.

Надо полагать, теперь представление закончилось, пришла к выводу Камилла, оглядывая подвальное помещение. Марьяна вылизывала сдувшийся член герцога, а Вильмос мыл руки, после чего налил себе вина. Камилла тоже не отказалась бы немного выпить, однако Вильмос отнес бокал только герцогу, а ей вина никто не предложил.

– Ваша светлость, – негромко произнес Арно, обращаясь к Камилле. – Разрешите мне снять это.

На мгновение Камилла подумала, что телохранитель говорит о ее мантии, но, взглянув на Арно, она увидела, что он указывает на обшитые мехом кожаные ремни, которыми она была привязана к подлокотникам кресла. Камилла кивнула, стараясь держать голову высоко, а спину – прямо. Арно принялся колдовать над ее левой рукой, Каспар склонился над правой. Оба они не обращали никакого внимания на распутное действо, происходившее в центре подвальной камеры, да это и понятно, решила Камилла, ведь они евнухи. Впервые за то время, что Арно и Каспар стали прислуживать ей, она задалась вопросом, доступно ли им хоть какое-нибудь сексуальное наслаждение. Мужское достоинство, как она предполагала, у них имеется, вот только с яичками непорядок.

Когда ремни были сняты, Камилла поднялась и медленно, чтобы восстановить кровообращение в нижних конечностях, выпрямилась.

– Надеюсь, вы больше не нуждаетесь в моем присутствии, ваша светлость? – громко осведомилась она, придав голосу властные нотки.

Герцог в этот момент был очень занят: вина он уже напился и теперь, набрав хмельной напиток в рот, опрыскивал Марьяну – сначала груди, а затем живот и бедра – и с любопытством наблюдал, как влага скапливается в пупочной впадине, а потом скатывается во влагалище. Марьяна тоже была при деле: она с нескрываемым удовольствием охаживала его розами по бокам. Оба радостно улыбались.

Услышав вопрос супруги, герцог сделал небрежный жест рукой и обратился к камердинеру:

– Вильмос, проводи герцогиню в ее апартаменты и обеспечь надежную охрану. Приведешь ее ко мне на следующей неделе, посмотрим, может, она будет более уступчива. – И он снова повернулся к своей любовнице, забыв о существовании жены.

Камилла похолодела. То, как себя вел с ней Мишель, показывало одно: его больше не волнует, забеременеет она или нет. Теперь она превратилась в его игрушку, и от этой игрушки он, без сомнения, очень скоро устанет.

Стало быть, времени у нее почти не осталось.

Глава 4

К тому времени, когда Анри закончил уборку в стойле красавицы Гирлянды и, собрав всю мокрую солому в тачку, повез ее к куче для компоста, стало уже совсем темно и в небе появилась луна. Свалив солому в кучу, Анри хотел вернуться, но остановился на полпути и, задрав голову, залюбовался яркими звездами, блиставшими в темном небе так близко, что казалось, до них можно было дотянуться рукой. Обманчивое впечатление.

Даже такой ничтожный человек, как помощник конюха, может быть ослеплен блеском и великолепием ночного неба, разве не так? Сердце Анри забилося чаще и словно увеличилось в размерах от благоговения. В мозгу возникли странные ассоциации. Звезд он, конечно, достать не мог, зато дотрагивался сегодня до самой герцогини.

Грустно вздохнув, Анри покатил свою дурно пахнущую тележку во двор. Он понимал, что надо прекратить думать о том, что случилось с ним сегодня во дворце, и отбросить глупые надежды, что после этого с ним произойдут удивительные перемены. Но мысли приходили сами собой. Странное приключение. Что оно ему сулит? Наверное, ничего хорошего. Герцогиня просто использовала его в своих целях, вот и все.

Под таким звездным небом Анри совсем не хотелось притворяться. Да, он уже очень давно хотел эту женщину, желал ее долгие годы. Именно страстное желание пришло на смену ранним фантазиям, которые мучили его по ночам и виной которым была она сама – ведь это она, герцогиня, выбрала его из многочисленных помощников конюха и начала обучать верховой езде. Наверное, посчитала его чем-то лучше других.

Сейчас опасность быть застигнутым стражей в покоях герцогини миновала, и ему даже стало безразлично, что она использовала его для своих нужд. Ни при каких других обстоятельствах он не приблизился к ней настолько, чтобы войти в самый тесный контакт, который существует на свете.

Как же он был туп и самонадеян, когда сболтнул сдуру, будто бы сможет помочь ей ускользнуть от ненавистного мужа. Как будто бы в целом герцогстве не нашлось никого более достойного, чтобы укрыть эту чудесную женщину в недоступном для герцога и его приспешников месте. Горничная герцогини и ее евнухи верны ей до гроба, найдутся и другие люди, преданные ей, но вот только кому из них, озадачился Анри, герцогиня интересна как человек, как личность?

Анри сделал еще несколько ездов со своей тележкой, поставил ее в угол, потом погладил по носу тех лошадок, которые еще не успели заснуть и высовывали любопытные бархатистые морды сквозь решетку. Анри зевнул, завтра ему очень рано вставать, чтобы поводить по тренировочному кругу Розочку, да и Лайлу надо было поводить в поводу. У Гирлянды, как он уже давно предчувствовал, скоро начнется течка, да и у Тони тоже. А из этого следует, что ему, Арно, предстоит путешествие в конюшни, расположенные в отдаленных землях герцогства, так называемую ферму для размножения лошадей и выведения потомства. Там его ожидает достаточно комфортная жизнь. Он должен будет не только ухаживать за меньшим количеством лошадей, но и ему не придется выполнять бесчисленное количество мелких заданий, какими его ежеминутно озадачивали старшие по положению конюхи, полагая, что парень не должен болтаться без дела. Там ему никто не будет навешивать оплеухи просто за то, что он невзначай попался кому-то на пути. Кроме того, ферму выстроили уже очень давно для правящего в те времена герцога, который души не чаял в лошадях, и условия там были гораздо лучше, поэтому сеновал, где Анри проводил свои ночи, когда ездил туда, мог бы сравниться (так, по крайней мере, ему казалось раньше) с опочивальней самого герцога. Однако после сегодняшнего посещения дворца и, особенно, спальни герцогини он понял, насколько ошибался в представлениях о настоящей роскоши. Ну и пусть, решил Анри, незначительные удобства гораздо больше ценить.

Как наяву, он снова почувствовал в своих руках тяжесть и гладкость материи, из которой было сшито платье герцогини, и услышал легкий аромат цветочных духов, исходивший от ее белоснежной шеи, в то время как от самого Анри исходил стойкий и неприятный дух лошадиного пота и навоза. Гордая женщина даже не вздрогнула, не отшатнулась, когда он дотронулся до нее, но Анри так и не отважился коснуться ее лица или поцеловать в губы. Ах, как он жалел сейчас об этом! Ведь в противном случае можно было бы с уверенностью сказать, что они полностью познали друг друга, пусть это длилось всего несколько минут.

Анри усмехнулся. Какая глупость лезет ему в голову! Пустые мальчишеские мечтания. Наверное, он еще так и не повзрослел. Она была так же далека от него, как эти прекрасные звезды на небе, а по возрасту и вовсе годилась ему в матери. То, что многие мужчины выбирали себе невест гораздо моложе себя, считалось абсолютно естественным, так почему же противоположный вариант невозможен? Прикрыв глаза, Анри мысленно представил герцогиню в блистательных одеяниях и украшениях, сидящую в его воображаемом доме и качающую колыбель. И уже вслух расхохотался. Скорее всего, качать колыбель и стирать пеленки пришлось бы именно ему, но уж никак не величественной герцогине.

Тоня тихонько всхрипнула, напоминая о себе. Анри встрепенулся, последний раз похлопал кобылу по гладкой, шелковистой шее и через двойные двери вышел из конюшни в вечернюю прохладу. Спать ему не хотелось, тело гудело от долгой работы и нестерпимо воняло потом.

Время стояло позднее, но не настолько, чтобы не посетить баню. А потом, возможно, он позволит себе еще какое-нибудь маленькое удовольствие. «Свежая роза» пользовалась сомнительной славой, но там посетителям предоставлялись всевозможные способы платного расслабления, а Анри редко тратил свой ничтожный заработок на себя, предпочитая даже ночевать рядом с лошадьми, поэтому кое-какие накопления у него имелись. Вероятно, сегодня он потратит монету-другую на доступную девочку, которых в «Свежей розе» он видел всякий раз, когда ходил туда мыться в бане. Проститутку подешевле он вполне может себе позволить.

Именно так Анри собирался поступить неоднократно, однако так и не доводил свои намерения до конца, считая, что вождеденный собственный домик появится у него тем раньше, чем бережливее и скромнее он будет себя вести.

Широко шагая, Анри направился в город, административный центр герцогства. Улицы здесь были гораздо оживленнее, чем в поместье рядом с замком. Подвыпившие гуляки вываливались из дверей таверны, расположенной у городских ворот, по булыжной мостовой раскатывали извозчики, из ближайшей аллеи раздавались пронзительные выкрики азартных игроков в кости.

Уличные проститутки не обращали на Анри никакого внимания. У парня на лбу было написано, что карманы его пусты, и они презрительно воротили от него нос. А Анри только того и надо было: ему было больно смотреть в измученные

глаза этих продажных девиц, у которых не было иного способа прокормить себя.

Массивные стены «Свежей розы», выложенные из грубого серого камня, на целых три этажа возвышались над соседними домами по обе стороны улицы, белые наличники и подоконники, которые ежедневно надраивались служанками, блестели чистотой, гонтовая крыша была отделана декоративными узкими полосками красной меди. Бани «Свежей розы» славились среди населения своей дешевизной, хотя плата удваивалась, если посетителя сопровождала одна из девиц заведения, и вырастала гораздо значительнее, если спутником становился молодой человек. Их мадам Убэр, хозяйка заведения, вывозила из каких-то пустынных земель, находившихся далеко на юге. Пару раз Анри видел этих чужестранцев по пути в баню – все они были как на подбор стройные, с безупречной гладкой кожей и темной подводкой вокруг глаз, в длинных шелковых панталонах и голыми торсами; их шеи украшали ожерелья и мониста, на пальцах босых ног тускло блестели серебряные кольца. Герцогиня вполне могла купить себе такого красавца в качестве предполагаемого отца для своего ребенка. Впрочем, вряд ли герцог принял бы дитя за своего отпрыска, уж слишком темен был цвет кожи этих молодых людей.

По сторонам огромного парадного входа «Свежей розы» горели, потрескивая, факелы. Анри открыл массивную дверь резного дуба, и перед ним тут же предстал гигантского роста престарелый евнух в широкой черной робе. Оглядев посетителя с головы до ног, он молча протянул вперед руку с раскрытой ладонью, и Анри положил в нее медную монетку. Толстые пальцы евнуха сомкнулись вокруг нее, а другой рукой он махнул себе за спину, указывая в сторону коридора, и отошел к двери. Откуда-то из глубины здания доносились мужские и женские восклицания, громкий хохот, звук сдвигаемых бокалов и кубков, лязг ножей и отдаленные звуки гуслей.

Полог, прикрывающий вход в общую комнату отдыха, был откинут, чтобы дать приток свежему воздуху и обеспечить клиентуру бань предварительным просмотром вечернего представления. Анри намеревался пройти мимо, но все же не смог удержаться и заглянул в комнату, невольно сравнивая здешнюю обстановку с роскошью герцогского дворца, которую ему довелось оценить нынешним днем.

Как следует разглядеть меблировку ему не удалось, и то, что он увидел, не сильно его впечатлило. На обоих концах длинной буфетной стойки стояли напитки и блюда с едой, а в центре восседала обнаженная женщина, и двое

мужчин в коротких безрукавках с увлечением слизывали мед и вино с ее живота и груди. На ближайшем к входу кресле активно совокуплялась любовная парочка. Женщина, чей корсаж был спущен до самой талии, крепко вцепилась в подлокотники обеими руками, поднимаясь и опускаясь на мужчине, на котором сидела верхом, и ее малюсенькая юбочка колыхалась с каждым движением мужчины, то и дело открывая взору белые ягодицы проститутки. На секунду Анри замер в изумлении, удивляясь тому, что им разрешили предаваться разврату прямо здесь, в общей комнате, пусть даже и борделя, однако вскоре ему все стало понятно: в отдалении он заметил сидящих полукругом зрителей.

Значит, это являлось частью представления, как и те две женщины, что расположились в шезлонге возле большого камина. Одна из них нежно и со вкусом ласкала другую, а та в свою очередь удовлетворяла себя искусственным мужским членом, сделанным из слоновой кости, пока один из продажных мужчин массировал ей ступни ног. Проститутка подняла глаза и посмотрела в сторону, как будто ожидая приказа. Анри проследил за ее взглядом и в самом центре зрительского полукруга увидел герцогиню.

Анри уже доводилось видеть на отдалении это парадное платье с мантией, а очертания уложенных волос, увенчанных герцогской тиарой, было ему знакомо по изображению на монетке, которую он только что вложил в ладонь евнуху. Его мужское достоинство мгновенно напряглось, и это произошло автоматически, но он тут же тряхнул головой, прогоняя наваждение. Ни под каким предлогом герцогиня не появилась бы в этом притоне. Он пригляделся повнимательнее и понял: женщина, наряженная герцогиней, была мадам Убэр, хозяйка дома терпимости и сама проститутка.

Если бы Анри сбегал домой за всеми своими скудными сбережениями, то смог бы, вероятно, оплатить услуги мадам Убэр. Впрочем, нет, не сейчас, только через год или даже два он бы наскреб на ночь с ней, женщиной в обличье герцогини. Но Анри быстро опомнился: это было бы глумлением, и он мысленно отругал себя за то, что позволил этой предательской мысли на секунду посетить его буйное воображение.

Снова мотнув головой, Анри поспешил дальше по коридору и вскоре вышел на тихий задний двор. Большую часть территории занимала баня, в узком пространстве между ее деревянными стенами и высоким забором росли ползучие кустарники и дикие розы. Их тонкий аромат мгновенно заполнил ноздри Анри, вытеснив душные запахи дешевых духов, пота и вина, царивших в

доме, и подслащивая дымок, который поднимался от раскаленных печей внутри бани.

По белой, посыпанной мелким гравием дорожке Анри пошел к деревянному строению и распахнул дверь.

В бане было непривычно тихо, Анри даже слышал, как тонкой струйкой стекает по желобу вода. И неудивительно: полуденная толпа желающих помыться уже схлынула и отправилась по домам, а посетители борделя, жаждущие плотских наслаждений, еще только начинали собираться в доме, и баня им пока не была нужна.

Анри ступил на шероховатый соломенный коврик, устилавший коридор по всей длине бани. Слева от парня находилась неглубокая ниша с крюками и скамейками. Раздевшись, он сложил туда свою нехитрую одежду и аккуратно поставил под скамейку сапоги. Мальчишка, который обычно охранял вещи посетителей, пока те мылись, мирно дремал в углу на куче использованных полотенец, и Анри не стал его будить. Красть у него нечего, из ценностей одни сапоги, да и те были измазаны лошадиным навозом. Взяв с полки чистое полотенце, он вошел в первую дверь по коридору. Пол там был выложен известняком, его шероховатая поверхность не позволяла моющимся поскользнуться и упасть.

В помывочной комнате на низких табуретах стояли каменные резервуары с зернистым мылом самого дешевого сорта. За нежное мыло более дорогих сортов следовало платить отдельно, но Анри привык довольствоваться малым, и общедоступное мыло его вполне устраивало.

Повесив полотенце на крючок, Анри принялся натирать себя зернистым мылом, совсем забыв о болезненном местечке. Плечо и локоть парня были ободраны – это один из грумов более высокого разряда приложил его сегодня днем об стену за то, что он слишком долго отсутствовал в конюшне. Анри осторожно обмыл раны, но кровь на них засохла уже несколько часов назад. Теперь там точно останутся небольшие шрамы. Когда это все случилось, он почти не обратил внимания на боль и лишь тихо радовался в душе – ведь если бы тот грум узнал об истинной причине его опоздания, наказание было бы куда хуже. Пара шишек да царапин – не такая уж великая цена за время, проведенное с герцогиней.

Из больших плоских бутылей по трубопроводу тонкой струйкой текла теплая вода, а чтобы помещение не затапливалось, лишняя влага просачивалась сквозь дырку в центре комнаты. В часы пик при большом количестве посетителей нагревались дополнительные резервуары, благо притон разврата не боялся истощения водных запасов: мадам Убэр владела довольно мощным природным родником, который являлся вторым источником ее немалых доходов, о чем знали все горожане.

У герцога имелся свой родник, находившийся, как слышал Анри, в одном из многочисленных внутренних дворов дворца. Если кто-нибудь решит подвергнуть дворец герцога длительной осаде, зная, что там есть свой родник с чистой водой, это будет по меньшей мере глупостью и безрассудством. Вот почему, кроме всего прочего, герцог обладал такой большой властью. Так судачили его подданные. У Анри же всегда имелось собственное мнение: ему казалось, что дворец может пасть при сопротивлении изнутри. Но откуда бы ему взяться, этому сопротивлению? Люди, жившие во дворце, были окружены роскошью и ничего менять явно не собирались. Зачем им было портить свою собственную обустроенную жизнь?

Впрочем, вероятно, не все слуги герцога были безумно довольны, но лично Анри, если бы был на месте кого-то из них, не стал бы разрушать дворец, а все претензии предъявил бы взбалмошному хозяину. Так поступил бы любой здравомыслящий человек. Дворец понадобился бы Анри после того, как он сверг бы тирана. Предательская мысль мелькнула у него в голове: ему понадобился бы не только дворец, но также и сама герцогиня.

Окатив себя из лохани водой с ног до головы, Анри не заметил, как в помещение вошла молоденькая банщица. Отфыркиваясь, он потряс головой, откинул со лба мокрые волосы и уставился на молчаливую фигурку, застывшую возле двери. Девушка была его возраста или, возможно, чуть старше; коротко стриженные, черные как смоль волосы подчеркивали безупречной формы череп. Огромные глаза казались еще больше на фоне короткой прически. По вечерам Анри довольно редко видел здесь эту девушку, обычно в это время здесь работал одноногий банщик, а иногда на смену ему приходила девица, отличительной чертой которой являлась чрезмерная болтливость.

На девушке была лишь тонкая сорочка, едва прикрывавшая круглые коленки. Мокрая ткань облепляла ее тело, четко обрисовывая маленькие груди, красивый изгиб бедер и темную впадину между ног. Временами банщицы работали

обнаженными, чтобы принудить возбужденных посетителей продолжить платные сексуальные игры, однако Анри считал одевание этой девушки в тысячу раз соблазнительнее. Ее груди напоминали ему аппетитные круглые персики, которые так приятно взять в ладони. Пахло от девушки мылом и розовым маслом.

Внезапно Анри осознал, что стоит перед ней, раскрыв рот, с опустошенной емкостью для воды, а по ногам у него стекает мыльная пена. На свой член он намеренно не смотрел, поскольку тот принял рабочее положение еще пару минут назад, когда он приподнял его, чтобы хорошенько помыть, и сейчас парню не хотелось привлекать излишнее внимание девушки к своему восставшему органу. Ей и без того наверняка приходится ежедневно с утра до ночи иметь дело с похотливыми мужиками, рассудил Анри, не желая становиться одним из них. Сегодня он уже накувыркался, с него довольно акробатических упражнений. На секунду ему даже захотелось пояснить банщице, что он пришел всего лишь помыться и расслабиться, потому что днем совокуплялся с герцогиней.

Первой неловкое молчание прервала банщица. Глядя ему прямо в глаза, она негромко спросила:

- Вы готовы смыть пену, сэр?

Анри молча кивнул и хотел было опустить на пол пустую лохань, которую по-прежнему держал в руке, но девушка, быстро подойдя к нему, перехватила лохань, наполнила ее чистой водой и произнесла:

- Пойдите ровно, пожалуйста, и закройте глаза. На вас еще много мыльной пены. Сейчас я все сделаю.

Анри послушно зажмурился. Девушка окатила его с ног до головы, потом проделала эту процедуру еще раз. На Анри нахлынули приятные ощущения – то ли катящиеся вниз по телу капли теплой воды, то ли легчайшие прикосновения гладких от постоянного общения с водой пальчиков, скользящих по коже. Подобное случалось с Анри нечасто. Правда, обычно здесь бывало много мужчин, и каждый помогал ближайшему соседу потереть спину или облить водой, чтобы смыть пену. Анри не привык находиться в помывочной наедине с банщицей, тем более такой симпатичной. Он изо всех сил напряг воображение и

стал представлять нейтральные картины лесной лужайки, окруженной высокими деревьями, и наконец добился желаемого результата: его мужское достоинство упало.

Через несколько минут юная банщица обернула бедра Анри чистым полотенцем и повела его в соседнюю комнату. Таких услуг ему никто раньше не оказывал. Почему она так предупредительна? Может, принимает его за какую-то важную персону? Или надеется на щедрые чаевые? Впрочем, возможен и третий вариант: она поняла, что у него нет ничего за душой, и хочет поскорее выставить его вон, чтобы освободить место для более перспективного посетителя.

– Меня зовут Николетта, а сокращенно Нико, – вдруг заговорила девушка.

– Анри, – сказал он, отметив про себя, что тон у нее вполне дружелюбный.

Не останавливаясь, она повернула к нему голову, и он увидел, что на ее губах появилась милая улыбка.

– Я знаю. Видела вас здесь раньше.

Нико шла впереди. В тускловатом свете масляной лампы Анри вглядывался в соблазнительные очертания ее попки, когда она нагнулась, чтобы отвернуть запорный кран. В огромную медную лохань хлынула горячая вода из трубы. Нико проверила температуру локтем, добавила холодной воды из ушата и снова сунула в воду локоть. Затем удовлетворенно кивнула, сделала приглашающий жест рукой, и парень залез в лохань.

У него выдался очень тяжелый день – и до посещения герцогини, и после него. Жар побежал по его натруженным мышцам, и он почувствовал истинное блаженство, как при сексуальном контакте с желанной женщиной.

– Хорошо-то как, – прошептал Анри и, поочередно высунув из воды одну ногу, потом другую, с удовольствием пошевелил пальцами.

– Позвольте, я помою вам волосы, – сказала Нико. – Ну-ка, откиньте голову на полотенце.

– Но я не платил за эту услугу... – неуверенно начал Анри, надеясь, что она не предложит сделать это бесплатно.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – улыбнулась девушка. – Сейчас у нас нет других посетителей, а если кто и придет, его обслужит Сюзетта.

– Ну, если так, то ладно, – согласился Анри, заранее предвкушая приятные ощущения от непредвиденного, но очень заманчивого предложения молоденькой банщицы. Вздыхнув полной грудью, он откинулся назад.

– Сюзетта сказала мне, что вы работаете в герцогских конюшнях. Это так? – спросила Нико.

Сюзетта – это, вероятно, та самая девушка, которая так обожала болтать, что рот у нее, казалось, вообще никогда не закрывался.

– Я ухаживаю за лошадьми, на которых раньше каталась герцогиня, – уточнил Анри. – Я очень надеюсь, что когда-нибудь она снова начнет ездить верхом.

– О, мне бы тоже этого хотелось, – искренне призналась Нико. – Знаете, я восхищаюсь нашей герцогиней! Она такая сильная и величественная, а держится с таким достоинством, что даже завидно.

Анри постарался выдать самую нейтральную реплику.

– Она очень красиво сидит в седле, – произнес он. – Мне повезло, что меня приставили именно к ее лошадям.

– Аннет – это повитуха в нашем борделе – несколько раз встречалась с ней. Ну, во дворце, конечно, ведь в наше заведение герцогиня не ходит. Я спросила Аннет, как выглядит герцогиня, но она почему-то ничего не ответила, только лицо ее стало таким грустным-грустным. Вообще-то Аннет никогда не грустит, вот поэтому мы... то есть я... Ой, нет, довольно болтать, а то вы еще подумаете, что я становлюсь похожей на Сюзетту, если я буду продолжать в таком же духе. Но вы хороший слушатель, с вами приятно разговаривать. Закройте глаза. – Нико полила голову Анри теплой водой из кувшина и смахнула капли с его лица, а затем пропустила сквозь свои пальцы его мокрые волосы. – О, какие они у вас

густые, с ними так славно работать, дотрагиваться до них. У меня они тоже были хорошие, мне жаль, что пришлось их остричь, но при работе в таком месте так гораздо удобнее. – Девушка вздохнула. – Так или иначе, мадам Узэр требует, чтобы все наши девушки коротко стригли волосы.

– Тебе идет короткая стрижка, – проговорил Анри. – По-моему, она подчеркивает твою красоту, – неожиданно для себя добавил он, чувствуя, как краснеют его щеки, и надеясь, что при таком тусклом освещении она ничего не заметит.

– Спасибо! – воскликнула девушка. – Вы очень добры ко мне.

Нико намылила ладони и снова прошла ими по длинным волосам Анри. Аромат лаванды ударил ему в ноздри, когда она принялась тереть его голову кончиками пальцев. Анри пришлось напрячься, чтобы не застонать от удовольствия. Ему казалось, что каждое ритмичное движение гладких пальчиков отдается ему прямо в пах.

– Вам нравится? – спросила Нико.

– О да, очень нравится, – снова открыв глаза, отозвался Анри; ощущения, которые он испытывал, напоминали ему опьянение в той легкой стадии, когда человек начинает еще острее воспринимать происходящее вокруг.

– А у вас есть время? Вы можете ненадолго задержаться здесь?

Когда девушка начала рассказывать об Аннет, парню показалось, что она чувствует себя одинокой в этом доме терпимости, поэтому он, не раздумывая, ответил:

– Я могу побыть тут столько, сколько понадобится.

– Тогда сядьте, пожалуйста, и опять закройте глаза, – попросила Нико.

Анри повиновался. Стоя позади парня, девушка ополоснула его волосы чистой водой – новый всплеск приятных эмоций, – потом сделала это второй раз, а затем и третий. Каждая клеточка тела Анри расслабилась, за исключением полового члена, который, как вдруг почувствовал Анри, снова напрягся и

выпрыгнул из воды, как проснувшийся щенок, разбуженный приходом хозяев.

– Ну вот и все, – констатировала банщица, – теперь я вижу, что вы готовы к совокуплению.

Вздернув от неожиданности бровь, Анри хотел повернуться, однако Нико положила руки ему на плечи и удержала его на месте.

– Наверное, вы удивлены моим предложением, – продолжила Нико.

Удивлен – это мягко сказано. Такие услуги в борделе стоили больших денег.

Нико стала массировать ему плечи, разминая мышцы возле шеи и надавливая пальцами на позвонки ниже затылка. Анри тихо простонал.

– Значит, вам нравится это, – сказала девушка. – Хорошо.

И опять она слишком мягко описала его чувства. Ему не то что нравилось, он испытывал настоящее блаженство. Так с ним не поступала еще ни одна женщина. К тому же он был готов на все на свете, после того как она вымыла ему волосы, и, уж конечно, не пытался остановить ее.

Тем временем Нико пустилась в объяснения:

– Чуть позже в бане опять соберется целая толпа народу, так бывает всегда, когда представление в главном доме подходит к концу. А утром снова начнется свистопляска. Только сейчас у меня есть время, чтобы побыть одной. И тут появились вы. Я уже видела вас раньше и знаю, что вы хорошо относитесь к нам, банщицам, совсем не так, как большинство посетителей.

– Правда? – невнятно промычал Анри; равномерные движения рук Нико и возбуждали его, и оказывали усыпляющее воздействие одновременно.

– Вы не тискаете девушек, не распускаете рук, не отпускаете сальностей, не стараетесь утащить в укромный уголок, и это мне нравится, – сказала Нико. – Вот я и подумала: а почему бы не наградить вас за такое хорошее поведение? И почему бы мне самой не получить небольшое удовольствие? Мы ведь могли бы

насладиться друг другом, правда?

Выпрямившись в лохани, Анри вздохнул. Да, он, вне всяких сомнений, грезит, и ему снится сладкий сон. Как иначе объяснить все те удивительные события, которые произошли и продолжают происходить с ним сегодня?

– Ты, конечно, права, – согласился он.

– Вот и отлично. Тогда давайте пройдем в парилку, – предложила Нико. – Вы там уже когда-нибудь бывали? – спросила она, подхватывая полотенце со стенки лохани и еще несколько других.

Анри покачал головой, медленно выбираясь из начавшей уже остывать воды.

– Это слишком дорого для меня, – сказал он и чуть покачнулся. Видимо, вся кровь отхлынула у него от головы и теперь сосредоточилась в одном-единственном органе его тела.

Сунув полотенца под мышку, Нико протянула ему свободную ладонь, и он тут же взял ее в свою руку. Произошло это настолько естественно, будто так было всегда. Нико была одного с ним круга, она знала, что такое ежедневный изнуряющий труд, и испытывала потребность хоть немного расслабиться, если выдавалась свободная минутка. Он слегка сжал руку Нико и посмотрел на нее; она тоже взглянула на него и улыбнулась. Рот у нее был крупноват для такого небольшого личика, но его размер скрашивали огромные карие глаза и чуть длинноватый нос. Когда она улыбалась, уголки ее рта немножко приподнимались, а в глазах плясали чертики.

За такой девушкой он пошел бы куда угодно.

Только зачем она тащит с собой кучу полотенец?

Парная комната не поражала своими размерами. Все стены там были облицованы плиткой, по которой стекали капли воды. Горячий пар поступал из трубы, торчащей из пола. Сквозь густой жаркий клубящийся туман Анри с огромным трудом разглядел широкие скамьи, расположенные вдоль стен.

Анри сделал глубокий вздох и едва не задохнулся, таким густым был воздух. Потеть он начал с первой же секунды, а может, это пар оседал на его чистой коже.

- Дышите медленнее, - сказала Нико, увидев его состояние.

Он последовал ее совету, и ему сразу стало легче. Неспешно вбирая в себя аромат свежей мяты, он обрадовался наступившему расслаблению.

Нико расстелила полотенца на ближайшей скамье, и только тут Анри понял их предназначение: она взяла полотенца, чтобы им было удобнее. Его дружок, который слегка поник при входе в парную, мгновенно ожил и принял боевую стойку. Нико повернулась к Анри и опять улыбнулась.

- Вы поможете мне? - спросила она и похлопала себя по пропитанной влагой тонкой сорочке.

Ему не надо было повторять просьбу дважды. Он быстро подошел к ней, но сначала положил ладони на ее груди прямо поверх сорочки и вздохнул, ощутив податливую плоть и напрягшиеся соски.

- Так бы и съел их, как яблочки!

Услышав свой голос, он осознал, что произнес эти слова вслух, и в смущении отвел глаза, но Нико его искреннее восклицание явно пришлось по душе. Довольно хихикнув, она подняла руки и взяла его лицо в ладони.

- Ты такой милый, такой красивый, такой сладкий, - промурлыкала она и, полюбовавшись немного, крепко поцеловала его.

Капелька солоноватого пота стекла с верхней губы девушки ему в рот. Анри проглотил капельку, затем проник языком в недра ее рта и глухо застонал, почувствовав, как она приняла поцелуй и начала возвратно-поступательными движениями сосать его язык. В мозгу парня тут же вспыхнула обжигающая мысль о том, что с таким же рвением она будет обхаживать и его мужское достоинство. Одной рукой Анри провел по стриженной голове Нико, но другая никак не желала расставаться с ее грудью. Продолжая целоваться, он ритмично

сжимал и разжимал ладонь, мысленно уверяя себя, что ему досталась в плен самая мягкая плоть на свете. Даже удивительно, что подобная мягкость могла вызвать у него такую твердость.

Они целовались так долго, что им стало не хватать воздуха, и только тогда они оторвались друг от друга, тяжело дыша. Анри помог девушке стащить мокрую сорочку через голову и принялся слизывать пот с шеи и груди, обеими руками проводя по предплечьям, ощущая под ладонями мягкую, как лепестки розы, кожу с вполне ощутимыми под ней мышцами, приобретенными в результате тяжелой работы банщицы и массажистки. В ответ Нико начала гладить его плечи и спину. Когда ее руки спустились ему на ягодицы, он со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы и прижался к ней напряженным членом с такой силой, что даже испугался: все могло кончиться слишком быстро. Тогда Анри отстранился от Нико и направился к застланной полотенцами скамье, подталкивая девушку к ней. Двигаясь спиной, Нико вскоре натолкнулась на нее и быстро села.

Анри, устроившись рядом, перетащил Нико к себе на колени так, что ее груди оказались на уровне его лица. Ему безумно хотелось как можно скорее оказаться внутри ее лона, но он не мог отказаться от наркотического воздействия от трения мягчайшей влажной кожи девушки о свое тело. Извиваясь, он продолжал касаться ее руками, лицом, грудью, бедрами. Затем уткнулся носом в ложбинку между грудями, туда, где ее запах был сильнее, и это было похоже на физическое погружение в нее. Он чувствовал, как колотится ее сердце.

Подавшись к Анри, Нико ласково оттолкнула его от своей груди, а потом со всей силой прижалась к нему так, что его возбужденный член оказался между двумя скользкими от воды и пота телами, и принялась ерзать у Анри на коленях.

Дыхание ее стало прерывистым. Анри быстро поцеловал ее и хрипло произнес:

– Все, больше не могу. Я хочу взять тебя.

Прежде чем он успел договорить, Нико привстала, схватила горячей рукой его набухший орган и направила в себя. Желая получить еще большее удовольствие, Анри взял ее за ягодицы и вонзился в нее целиком.

Больно вцепившись руками ему в плечи, Нико вертелась из стороны в сторону, одновременно привставая и вновь опускаясь, как будто искала точку опоры и никак не могла найти. Губы ее лихорадочно шарили по его лицу, маленькие груди подпрыгивали, тело извивалось. Анри буквально изнывал от этой сладостной муки и все никак не мог насытиться.

– Еще! Еще, еще! – повторяла она, обдавая его горячим дыханием. – Возьми меня, возьми всю, целиком!

– Хорошо, – только и смог выговорить он.

Сделав упор на ноги, Анри резко выдвинул ягодицы вперед и вверх, словно хотел столкнуть ее с себя, но Нико держалась цепко, впившись ногтями ему в плечи. Уже через мгновения она поймала его ритм и скакала на нем до тех пор, пока он не почувствовал, что сердце вот-вот выскочит из груди. Она получила высшее удовольствие дважды; насчет первого раза Анри еще сомневался, поскольку был слишком сосредоточен на собственных эмоциях, на том, чтобы самому продержаться как можно дольше, но второй раз сомнений у него не оставил: ее стоны превратились в крик, который поднялся до самой высокой ноты, а потом вдруг оборвался. Анри сделал еще несколько резких и очень глубоких движений и наконец взорвался внутри ее.

Запрокинув голову, он тяжело дышал, не отпуская свою жертву. Ему казалось, что тело его стало совсем невесомым и только под тяжестью ее тела удерживалось на скамье, иначе взлетело бы в воздух.

– Ты такой сладкий, Анри, – сказала она, слезая с него. – Но по-моему, тебе не помешает еще раз помыться.

Они вернулись в помывочную. Нико с удовольствием натирала его мылом, и он делал с ней то же самое в ответ. Потом они обливали друг друга теплой водой, а вытирание сухими полотенцами превратилось у них в импровизированную игру. К тому времени, как Нико начала втирать ему в распаренное тело ароматизированное масло, Анри уже больше всего в жизни хотел остаться тут до утра.

Однако со стороны дома стал раздаваться нарастающий гул голосов, послуживший им сигналом, что для них вечер развлечений подошел к концу.

Возле выхода из бани Анри поцеловал Нико на прощание, пообещал вернуться как только сможет и поспешил назад в свои конюшни. Теперь он был полон решимости, что Нико станет той отдушиной, которая поможет ему забыть неблагоприятные мысли о герцогине.

Глава 5

Вильмос лично сопровождал Камиллу до ее покоев. Каспар и Арно собрались занять свои места по обе стороны от дверей, как делали это всегда, однако Вильмос дал им знак следовать за хозяйкой внутрь.

Камилле бы очень хотелось, чтобы верные евнухи не так ревностно охраняли ее в присутствии герцога. Муж-тиран всегда предпочитал показывать окружающим, что его воля превыше всего, и она должна была всячески поддерживать эту игру, даже если дело касалось ее собственной безопасности. Мишель отличался редкой злопамятностью, и в дальнейшем евнухи могли дорого заплатить за свою верность хозяйке. Теперь ей следует присмотреть за Каспаром и Арно, чтобы они не угодили в какую-нибудь неприятность.

Вильмос замер в дверях, словно чего-то ждал или хотел о чем-то поговорить. Арно крадущимися шагами обошел всю комнату по периметру. Камердинер все не уходил.

– В чем дело? – поинтересовалась Камилла, в упор глядя на Вильмоса.

– Ваша светлость... – глухо произнес тот, опустив голову.

Камилла же, напротив, высоко вздернула подбородок. Пусть ей и пришлось сосать его член, но она не собиралась когда-нибудь вновь поднимать эту малоприятную тему, даже если Вильмос и вознамерился принести свои извинения. В подвале у нее просто не было выбора. Кстати, как и у Вильмоса. Какой смысл пускаться в обсуждения их взаимного унижения.

Постояв еще несколько секунд в молчании, Вильмос почтительно поклонился и вышел из комнаты, не только закрыв, но и заперев за собой дверь. Камилла

услышала лязг задвигаемого засова, а затем клацанье большого железного крюка с печатью герцога.

Только когда шаги Вильмоса затихли в глубине коридора, Камилла почувствовала, как у нее подкосились колени. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы удержаться на ногах. Мозги ее лихорадочно работали. Что же теперь делать? Она могла ощущать себя в относительной безопасности, пока герцог был целиком погружен в любовные игры, пока он тешил плоть в свое удовольствие, но... сейчас ее благополучие висит на волоске, даже если ей удалось забеременеть от юного конюха. Камилла уже не надеялась, что герцог захочет заняться с ней любовью, и если такое не произойдет, то ее тем более казнят за то, что она забеременела от другого мужчины. А если она не забеременела, то он все равно казнит ее за бесплодность. Как же она была глупа и наивна, когда полагала, что он дарует ей жизнь, если он получит то, чего он так хочет.

Часы, стоявшие на каминной полке, – поразительно безобразная в своей безвкусице вещь, разукрашенная золотыми ангелочками и белыми глазурованными фигурками пастушек и овец, – показывали, что половина ночи уже прошла. У Камиллы было такое ощущение, что минуло несколько долгих дней, с тех пор как она призвала Анри в свою комнату для приемов. Сколько времени потребуется герцогу, чтобы придумать вид публичной казни, которой он ее предаст? Через какие еще унижительные испытания, продиктованные изощренным воображением Мишеля, придется ей пройти перед насильственной смертью? Вероятнее всего, она будет подвергнута казни через обезглавливание. Когда-то Камилла прочитала, что человек без головы еще какое-то время способен видеть то, что происходит вокруг.

Правда ли это? Самой себе Камилла представлялась сейчас беззащитной птичкой, трепыхающейся в золоченой клетке и ломающей крылья о прочные прутья. Она взяла альбом, но тут же положила его обратно и начала растирать запястья, хотя на них и не осталось никаких следов от наручников.

– Велите принести для вас ванну, ваша светлость? – подал голос Каспар.

Из двух евнухов именно он всегда говорил первым. Камилла никогда не придавала этому значения, но все-таки заметила, что Арно предпочитал уступать ему право первого слова. Возможно, так было потому, что Каспар был старше – по подсчетам Камиллы, ему скоро будет тридцать. Арно же доставили

во дворец, едва ему исполнилось восемнадцать лет, значит, сейчас ему около двадцати трех. О возрасте своих охранников-телохранителей Камилла как-то поинтересовалась у Сильвии. Та ответила вполне определенно, хотя евнухи так и не смогли накачать мускулатуру, достойную настоящего мужчины-силача, и на вид казались гораздо стройнее и моложе.

Раз уж Каспар заговорил о ванне, Камилла вспомнила о своей служанке. Купание герцогини входило в ее обязанности, ведь именно Сильвия командовала девушками-банщицами и натирала ее благовониями после водных процедур.

– Где сейчас Сильвия? – спросила она.

– Спит, ваша светлость, – ответил Каспар. Он стоял в расслабленной позе, положив большие ладони обеих рук на эфесы коротких мечей, висевших у него по бокам. Находясь совсем рядом, Камилла заметила у него на предплечьях белые следы от шрамов, полученных на многочисленных тренировках по умению владеть оружием, на которые не обращала внимания раньше. Глаза его были светло-серые. – Разбудить ее?

– Нет, не стоит, пусть поспит.

Принять ванну было бы недурно, подумала Камилла. Смыть с себя грязь после посещения мерзкого подвала герцога ей, конечно, хотелось, но не настолько, чтобы будить Сильвию и долго ждать, пока заспанные служанки приготовят все необходимое для купания. Сейчас ей было гораздо важнее хорошенько пораскинуть мозгами. К тому же Сильвия и без того слишком набегалась сегодня, разыскивая Анри, доставляя его во дворец и следя за тем, чтобы их никто не побеспокоил. Камилла рассудила, что верная служанка должна хорошенько отдохнуть, прежде чем они пустятся в дальнюю дорогу – она сама, Сильвия и два евнуха, которых Камилла не могла бросить во дворце на произвол судьбы. Одно дело умереть за нее на посту, по долгу службы, но погибнуть ни за что – совсем другое.

Она нервно потерла виски, стараясь привести в порядок беспорядочно мелькавшие в голове мысли.

Арно выступил вперед и положил ладонь ей на плечо, и от этого прикосновения стук в висках мгновенно прекратился. Его рука была такая теплая, такая

надежная, от нее исходила какая-то странная сила. Камилле сразу стало легче.

– Пожалуйста, ваша светлость, позвольте нам отвести вас в постель, – сказал Арно своим обычным негромким тенорком.

– Мы позаботимся о вашей безопасности, – добавил Каспар.

Какая там безопасность! – подумала Камилла, мысленно усмехнувшись. Вслух же она произнесла, только для того чтобы услышать их ответ:

– Такова ваша обязанность.

– Да, ваша светлость, но в данном случае защищать вас не только обязанность, но и желание, – заявил Каспар. – Не сомневайтесь, ваша светлость, мы будем служить вам и в этой жизни, и в загробной тоже.

В знак согласия Камилла кивнула. Заверение евнуха прозвучало несколько выпендренно, но она не стала упрекать его, ведь в какой-то степени он прав: если казнят ее, то и их не оставят в живых.

Перед тем как убрать руку с ее плеча, Арно проговорил:

– Вы можете полностью повелевать нами, ваша светлость. Мы сделаем все, что в наших силах. – Помолчав, он добавил: – И позвольте прислуживать вам этой ночью.

Камилла глубоко вздохнула. Настала пора решаться – сейчас или никогда, откладывать дольше уже невоз можно.

– Стража на внешних стенах дворца меняется перед рассветом. Тогда же мы уйдем отсюда – вы вдвоем, Сильвия и я. Все мы... – На секунду Камилла запнулась, с внезапной теплотой вспомнив об Анри. – Помощник конюха предан мне, – продолжила она. – Он поможет нам скрываться, пока мы будем в пути. – Она снова задумалась. Если Мишель выведает о том, что сделал этот несчастный мальчик, а потом узнает, что она сбежала вместе со своими самыми верными слугами и любимыми лошадьми, он его бросит на растерзание голодным собакам... О нет, она не может бросить его здесь. – Итак, конюх по имени Анри

уйдет вместе с нами.

Каспар опустился перед ней на колени и, склонившись, коснулся лбом ее туфельки.

– Как вы велели нам раньше, мы все приготовили для внезапного бегства из дворца, ваша светлость. Я буду с вами.

– Арно?

Младший из охранников встал на колени рядом с Каспаром.

– Ваша светлость, – сказал он, – я... я думаю, мне лучше остаться.

Каспар втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Не надо, перестань, – обратился к нему Арно, дотронувшись до его руки.

Камилла заинтересованно наблюдала за своими телохранителями. Каспар не повернулся к Арно. Любопытно, почему? Считает его план неблагоразумным или опасается за жизнь друга?

Не дождавшись реакции Каспара, Арно принялся объяснять свою позицию:

– Кто-то должен остаться, чтобы собирать информацию о предстоящей погоне за вами. Я смогу присоединиться к вам позже, уже по пути, или пошлю кого-нибудь, кому буду полностью доверять. Поверьте, со мной ничего не случится, меня здесь прикроет Вильмос. Его мать была кузиной моей матери. Вильмос не виноват, что меня подвергли кастрации, а с тех пор как он нашел меня, вообще не спускал с меня глаз, контролируя каждый мой шаг. К тому же теперь Вильмос чувствует вину перед вами, поэтому замолвит за вас словечко перед старшими стражниками. А я постараюсь не мелькать во дворце, демонстрируя свое присутствие, у меня есть хорошие друзья в городе, где я смогу укрыться на ночь.

– Не слушайте его, ваша светлость, – запротестовал Каспар, – если он останется, то над ним нависнет смертельная опасность. Герцог его не пощадит. То, что

Вильмос не очень-то верен герцогу, истинная правда, но...

Подозрения Камиллы оправдались: Вильмос вовсе не был влюблен в ее развратного муженька. Покачав головой, она задумчиво произнесла:

– Это слишком рискованно, Арно.

– В вашей власти послать меня на верную смерть, ваша светлость, и я незамедлительно последую вашему приказу, – быстро отозвался тот, – но я уверен, что в этой ситуации со мной все будет в полном порядке. Тут я буду более полезен вам. Прошу вас, поверьте мне.

Камилла задумалась. Каспар явно огорчен, однако Арно все-таки прав. Действия Арно могут всех их спасти от смерти. Она коротко кивнула:

– Решено, Арно останется во дворце. Но юного грума мы берем с собой. Анри понадобится нам, чтобы ухаживать за лошадьми.

Каспар на секунду прикрыл глаза, затем вновь открыл их. Потом снова наклонился и опять поцеловал туфельку хозяйки, выказывая таким образом повиновение ее воле.

Камилла и ее стражники принялись собирать самые необходимые вещи, которые могли бы потребоваться им в путешествии; остальное они заберут из тайников вне дворцовых стен. Работали дружно и закончили достаточно быстро, поэтому до запланированного бегства оставалось еще несколько часов.

– Пусть Сильвия еще немного поспит, а затем мы пошлем ее на конюшни, чтобы она смогла отыскать там юношу, – сказала Камилла. – А до этого времени нам всем надо немного отдохнуть.

– Ваша светлость, – склонился перед нею Каспар, – позвольте нам обслужить вас этой ночью.

Давний обычай потворствовал господам, если они предпочитали задействовать евнухов в достижении своих сексуальных удовольствий. Камилла никогда не пользовалась этими привилегиями. Она была верна своему мужу, прекрасно

зная, что он изменял ей налево и направо, и даже по несколько раз в день. Сегодня днем она впервые познала другого мужчину, которым по ее воле стал юный конюх Анри. Идея проделать то же самое со своими евнухами, один из которых может ради нее пожертвовать своей головой, внезапно показалась ей заманчивой: это будет той отправной точкой, которая покажет, что она действительно изменилась, что нашла в себе силы взбунтоваться и стать другой. Да и вообще так будет лучше, чем забраться в свою холодную постель, коротая оставшиеся часы до побега.

– Благодарю вас обоих, – негромко произнесла она, – я позволяю вам быть со мною рядом и буду рада, если вы обслужите меня.

Она позволила Каспару, который успел подняться с колен во время ее размышлений, взять себя за руку и отвести в опочивальню. Арно безмолвно следовал за ними.

По обе стороны кровати стояли небольшие прикроватные тумбочки, а на них – бронзовые подсвечники. Каспар зажег все свечи, а Арно, встав на колени, снял с ног Камиллы туфельки. Едва заметная щетина на его черепе отливала золотом в мерцающем свете ароматизированных свечей. Каспар отставил туфельки в сторону, однако с колен не встал, только еще ниже опустил голову, обнажая перед герцогиней самую уязвимую часть своего тела – ложбинку между лопатками, которую следовало особенно беречь во время ближнего боя.

Когда несколько минут прошло в полном молчании и монументальной неподвижности Каспара, Камилла обратилась ко второму евнуху:

– Арно?

Он помотал головой, затем тоже нагнулся ниже и поцеловал ее туфельку, только гораздо нежнее, чем это сделал Каспар. Тепло его чуть влажных губ проникло сквозь тонкую ткань, и мурашки побежали вверх по ее ногам. Она наклонилась и положила ладонь на макушку Арно. Кожа у него была горячая, чуть шероховатая, как язык у кошки. Ощущение было таким приятным, что Камилла не могла отказать себе в желании погладить его голову. Опомнилась она только тогда, когда осознала, что начала с силой сжимать мочку его уха.

Камилла откинулась назад и тихо молвила:

– Идите ко мне, вы оба.

– Вы позволите, ваша светлость? – спросил Каспар, указывая на свои доспехи.

Камилла молча кивнула, и он быстро освободился от ремней, поддерживающих его мечи. Метательный нож он пристроил на ее ночной столик, а мечи аккуратно положил на ковер возле кровати. Не сговариваясь с ним, Арно проделал ту же процедуру.

Раздеваться полностью верные стражи герцогини не стали, они никогда не делали это в присутствии своей хозяйки, а она никогда и не настаивала на этом. Каспар остался в своих свободных голубых штанах, на Арно были длинные панталоны. Камилла не знала, то ли они руководствовались чрезмерной скромностью, то ли просто не хотели, чтобы она увидела воочию, что они не совсем полноценные мужчины. Камилла уже открыла рот, чтобы уверить их, что для нее это не имеет ровным счетом никакого значения, однако передумала, поскольку ей в голову пришла иная мысль: Каспар и Арно специально не стали оголяться, чтобы уверить ее в том, что они намерены доставить удовольствие только ей.

Каспар развязал витой шнурок, поддерживавший красную шелковую мантию герцогини, а затем сделал то, чего ни один из них не позволял себе раньше, – подхватил ее на руки и бережно прижал к своей обнаженной груди. Арно тем временем взбил многочисленные подушки на огромном ложе и расположил их так, что они стали похожи на большое и очень уютное гнездышко. Все это происходило в полной тишине. Камиллу уже давно никто не держал на руках, и на мгновение ей захотелось обнять Каспара за крепкую шею, но она сдержала эмоции, чтобы лишний раз не показывать свою уязвимость, ведь им и без того было хорошо известно, что герцог унижал ее и пренебрегал ею как женщиной.

И как раз в это время Каспар чуть отвел длинные волосы Камиллы, положил руку ей на затылок и принялся легонько потирать его большим пальцем, прижав ее голову к своему плечу.

Камилла закрыла глаза.

– Подождите еще минутку, ваша светлость, сейчас все будет готово, – пробормотал Каспар, и она кивнула в знак согласия.

Несмотря на то что голос евнуха был немного выше, чем у обычного мужчины, но он все равно действовал на нее успокаивающе. Да и что их делает отличными от других мужчин? – размышляла Камилла. Отсутствие яичек? Ну и что, у нее их тоже нет. И вообще, во многих отношениях Каспар был намного лучше, чем ее развратный муженек, хотя об этом, естественно, она никогда не говорила вслух. Интересно, продолжала развивать свою мысль Камилла, питают ли оба евнуха к ней интерес на самом деле? Искренняя ли их преданность по отношению к ней? Но даже если они притворяются, то делают это намного артистичнее, чем Мишель в их минуты их крайне редкой и уже забытой близости.

Подойдя к Каспару, Арно осторожно забрал госпожу из его рук и заботливо уложил ее в углубление, которое он соорудил в центре пухлых подушек. Камилла так глубоко утонула в тонком бархате и нежном шелке, что не смогла бы без труда выбраться из этого гнездышка, даже если бы очень захотела. Но у нее такого желания не возникало. Напротив, она развалилась в ленивой позе, томно откинув голову на подушки. Арно начал массировать ей одну ногу, начиная с кончиков пальцев, а Каспар занялся другой ногой, и движения их были слаженными и искусными. Вскоре сильные пальцы евнухов достигли ее коленок. Возможно, они часто делали это друг с другом, мысленно допустила Камилла. Очевидно, так оно и есть, ведь ни с кем больше контактов они не имеют.

Не открывая глаз, Камилла плыла по течению и даже немного раскачивалась, полностью отдавшись приятным ощущениям.

Помассировав ей колено, Арно двинулся выше, большими ладонями разминая мышцы на внутренней стороне бедер и делая по ним круговые движения пальцами.

Кровать скрипнула и чуть колыхнулась, когда Каспар поднялся, но через минуту он вернулся. Чуть приподняв ресницы, Камилла увидела у него в руках кувшин, чашу и чистое маленькое полотенце. Камилла вздохнула и снова прикрыла глаза, когда Каспар принялся нежнейшими, порхающими движениями мыть ей бедра и промежность розовой водой, дразня кожу трением ткани и щекоча тонкой струйкой из наклоненного кувшина. Камилла беспокойно пошевелилась в руках Арно и вдруг напряглась, почувствовав, что язык Каспара занял место

полотенца. От неожиданности и интенсивности нахлынувших ощущений Камилла вздрогнула, но уже через мгновение приподняла бедра, желая получить еще большее наслаждение.

- Теперь воспользуйся пальцем, - проговорила она.

Каспар тут же повиновался, и Камилле едва удалось сдержать крик.

Арно склонился над ней, лизнул мочку уха и тихо проговорил:

- Каковы будут ваши желания? Прошу вас, ваша светлость, повелевайте мною, я сделаю все, чтобы доставить вам удовольствие.

- Моя грудь, - ответила Камилла, вновь открыв глаза, - пососи ее.

Арно кивнул. Сначала он немного подразнил напрягшиеся соски герцогини легкими движениями языка и, когда она прогнулась, подставляя ему свою грудь, взял ее в рот и принялся сосать, подражая пьющему материнское молоко младенцу, одновременно сжимая и разжимая пальцами сосок второй груди. Каждое его движение отдавалось у нее в паху нарастающим наслаждением, которое удваивалось трением пальца внутри ее лона.

Дыхание Камиллы стало глубоким и частым.

- Еще, - выдавила она сквозь пересохшие губы.

Арно взял обе ее груди в ладони и сдавил их.

Напряжение Камиллы росло с каждой секундой.

Палец Каспара не мог достигнуть полной глубины, поэтому она нетерпеливо прижала его руку своей ладонью и буквально вдавила палец в себя, но и этого было ей мало.

С трудом переведя дыхание, она произнесла срывающимся голосом:

– Арно. В ящике тумбочки. Возле кровати. Обманка из слоновой кости.

Каспар посмотрел на нее, и Камилла показала ему жестом, чтобы он остановился. Он поднял голову, однако палец не вынул. Глаза его потемнели, на лбу выступили крупные капли пота, губы были влажными.

– Мне доводилось пользоваться такими обманками прежде, ваша светлость, – сказал он. – Вы позволите мне продемонстрировать Арно свое умение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yanssen_viktoriya/lyubovniki-kamilly

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)